

Александр Беляев

Семья зла

Хроники затомиса

Александр Беляев

Семя зла. Хроники затомиса

«Издательские решения»

Беляев А.

Семя зла. Хроники затомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835175-4

Главный герой, путешествуя по шрастрам, попадает в странную местность под названием Дуггур, где становится свидетелем трансформации местных существ.

ISBN 978-5-44-835175-4

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Полет орла	6
ГЛАВА 2. Накануне Апокалипсиса	23
ГЛАВА 3. Спуск в Дуггур	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Се́мя зла
Хрони́ки зато́миса
Алекса́ндр Бе́ляев

© Алекса́ндр Бе́ляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5175-4

Созда́но в интелектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Полет орла

«Ну вот и закончилось свидание, – грустно подумал Андрей, глядя на маленький замок в окнах которого едва можно было различить какое-то забавное мельтешение. – В этот раз она даже не поцеловала меня на прощание. А впрочем, она права, зачем нужны эти астральные поцелуи – одна только жалкая пародия. Итак, что мы имеем? С одной стороны никогда мне еще такую длинную астральную повесть не приходилось выслушивать и это, конечно, новый взгляд на историю христианства и человечества в целом. С другой стороны, ситуация моя мало прояснилась: так же не понятно, что дальше делать, как и до этого рассказа. Конечно, приятно осознавать, что твоим предком был Иисус Христос, а твоя давняя инкарнация висела на кресте рядом со Спасителем. Ну, так поводов для мании величия у меня и раньше хватало, тем более в наших сенситивных кругах если ты в своем отдаленном воплощении не разглядел Будду, Христа или, по меньшей мере, Наполеона, то ты вообще полный отстой. Значит все эти утверждения, что я Меровинг и на мне лежит какая-то тайная миссия по раздемонизации, мало что дают в создавшейся ситуации. Как ребят вернуть, а вернее самому вернуться в тот поток, где они живы-здоровы – неясно, куда дальше идти после того, как мой астральный выход закончится – неясно, и вообще неясно, насколько тот альтернативный поток, в котором очутилось мое физическое тело, похож на тот, в котором я начинал путешествие. Может быть, я вернусь в Москву, а там никого из родных и знакомых не осталось, и вообще знакомой Москвы нет? И где мне тогда жить и чем заниматься? А может и Советского Союза больше нет, и паспорт мой там не действителен, и вообще это территория какого-нибудь Северного Гондураса! Нет, давай успокаиваться, пока никаких оснований для подобных прогнозов не существует, а то можно додуматься до того, что я вообще на другой планете: доберусь, понимаешь, до ближайшего города, а там какие-нибудь зеленые человечки, да и людоеды к тому же. Будем все же исходить из того, что альтернативное отражение должно быть похоже на мой родной мир: и поляна, на которой моя палатка оказалась, все та же, и речка, и скалы, думаю, что и города и страны на месте остались. А что я имею на текущий момент? Очевидно, у моря Вечности делать больше нечего, но и обратно в тело почему-то не забрасывает. Значит, моя миссия в астрале не закончилась, хоть и затянулась дальше некуда. Но раз я какой-то особенный, с особой миссией спасения человечества, да и вообще всей брамфатуры, возможно теперь мое основное место жительства – астрал, а не Энроф. Тем более и Энроф у меня нынче не нормальный, а какой-то отраженный, где все мои друзья давно поумирали. Нет, все же проще было бы оставаться обычным Андрюхой Даниловым и не знать, что от тебя какие-то судьбы мира зависят. Зачем мне эта чудовищная ответственность, у меня и своих мелких проблем навалом!»

Андрей прислушался к себе в надежде услышать знакомые засасывающие ощущения, сигнализирующие о том, что время выхода заканчивается. Нет, на этот раз ничего такого не ощущалось, и не ощущалось никаких подсказок, что делать дальше, хотя в астрале к нему подобные подсказки приходили.

«Ну что ж! – с обидой неведомо на кого подумал Андрей. – Если Высшие силы не желают объяснять, чего им от меня нужно, будем действовать самостоятельно. Ясно, что у моря Вечности делать больше нечего, да и та безмятежность, ради которой сюда тянуло, исчезла. Чувствую, куда-то надо бежать, что-то делать, вот только бы знать, куда и что. Ладно, поскольку по своему желанию отсюда сразу вернуться в тело не получается, а бродить здесь дальше смысла никакого нет, значит надо воспользоваться замком Вечности. Вот он тут стоит, целехонький. А еще не надо забывать, что и в Энрофе и астрале на мне удивительная коронка Меровингов висит. Наверняка она значительно расширяет мои возможности, а значит, в перспективе ждут необычные путешествия и приключения. К тому же, как Аня сказала, она еще от всяких напастей уберегает и раньше положенного времени загнуться не дает. Значит со мной ни в Энрофе,

ни в астрале ничего фатального случиться не может, и, следовательно, все, что в дальнейшем будет происходить, надо воспринимать, как занятное приключение без всякого риска для жизни. Что ж, хоть это как-то утешает, буду представлять себя таким героем голливудского боевика, с которым, сколько бы вокруг пуль не ложилось и трупов не падало, ничего серьезней ранения в руку или ногу с полным последующим выздоровлением быть не может. Ладно, начну с замка Вечности, а там будь что будет!»

Андрей приблизился к песчаному замку вплотную и почувствовал, что начинает уменьшаться и что его затягивает внутрь этого астрального транспортного средства. Перед тем, как окончательно ухнуть туда, он на прощание оглядел побережье моря Вечности и успел заметить, что там вдали, у подножья величественных скал произошли кое-какие изменения. Андрей даже вначале не понял, какие именно, и уже потом, когда его окончательно затянуло внутрь замка, он сообразил, что ландшафт слева оказался ущербным, словно из гряды скал и плоскости моря были вырваны какие-то фрагменты, как бы выглядел рисунок выполненный с помощью мозаики, из которого незначительная часть мозаики выпала.

«Так, – подумал Андрей, – похоже, сакуалла моря Вечности начинает деформироваться. А впрочем, не исключено, что это какие-то аберрации зрения перед сменой состояния».

Андрей не стал ломать голову над причиной увиденного, на него и так немало всего свалилось, да, к тому же, он на какое-то мгновение отключился, как это обычно происходило, когда его затягивали всякие энергетические потоки. Когда же он пришел в себя, то увидел, что находится в бесконечном коридоре перед чередой дверей, что вроде бы свидетельствовало о том, что он не покинул пределов замка Вечности. Очевидно, предстояло войти в какую-то из дверей, и тогда уже перенестись неведомо куда. На этот раз он чувствовал, что надо идти назад по коридору, он повернулся, прошел несколько десятков шагов, и тут его достаточно отчетливо потянуло войти в одну из безымянных, неподписанных дверей. Поскольку других оснований для выбора у него не было, Андрей подошел к двери и потянул за ручку. В этот момент на двери высветилась надпись: 15 апреля 1974 года, затем дверь исчезла и перед ним открылась его собственная московская комната – та из двух комнат его квартиры, где стоял сервант с баром в котором он держал вино. Андрей разглядел в полумраке, что за стеклом серванта светится графин с белым вином, которое он десять лет назад превратил в Сому, что привело к череде трагических последствий, правда после его возвращения домой после летаргии, содержимого в графине уже не оказалось. Около серванта стояли два Андрея, судя по одежде, которую он не мог у себя припомнить, это были его астральные дубли, и один из этих дублей снимал с себя медальон Единственной и предавал его другому. Андрей ясно вспомнил этот ключевой момент его жизни, который позволил изготовить ему Сому (не изготовь он ее тогда, возможно жизнь пошла бы совсем по другому сценарию), и в его голове возникла мысль каким-то образом помешать одному из двойников осуществить это роковое решение. Как знать, а вдруг таким образом можно вернуть себя к исходной точке без последующей череды трагических и странных событий, ведь море Вечности было тем нулевым меридианом от которого отсчитывались и прошлое, и настоящее, и будущее.

Однако что-то ему помешало, поскольку в следующий момент Андрей ощутил себя на месте и тем самым двойником, которому передают заветный медальон, хотя он отчетливо помнил, что тогда именно он, Андрей передавал медальон своему рассудочному дублю, а не наоборот. В следующее мгновение этот дубль, а ныне он сам сделал шаг к серванту и, прошив рукой стекло, приложил медальон к графину вина – то есть сам сделал то, от чего пытался уберечь своего безрассудного двойника. Свечение тут же перешло с медальона на вино, из горлышка графина в потолок ударил красный луч, наподобие лазерного, сделав прозрачным часть потолка, а сам Андрей, став собственным дублем, уже второй раз за короткое время потерял самоощущение...

Когда в его сознании вновь забрезжил свет, то он уже ничего не помнил ни о каком Андрее Данилове, ни о каких забавных и трагических событиях его жизни, поскольку осознал себя могучим орлом, парящим над заснеженными вершинами гор. Возникла недоуменная мысль – что я здесь делаю, это же не я, – но в следующее мгновение мысль эта угасла, оставив облачко едва заметной тревоги-неудовлетворенности. Так нередко в нас вспыхивает какое-то яркое воспоминание, которое тут же гаснет, и мы не можем его вспомнить, как ни пытаемся – остается только память об этой вспышке и беспомощные попытки восстановить ее содержание. Однако вскоре угасло и это.

Гаруда (так звали орла) парил над вершинами, склонами и ущельями, получая несказанное удовольствие от воздушных ванн перемешивающихся потоков – более теплых, ласкающих восходящих и ледяных, бьющих в лицо, проглаживающих оперение. Гаруда умело маневрировал между восходящими потоками, практически не взмахивая крыльями и зорко всматривался в слепящие чистейшим снегом горные склоны в надежде высмотреть горного козла, серну или кабаргу – его главных объектов охоты. Он осознал, что уже несколько часов парит над этими голыми пейзажами и до сих пор не высмотрел ничего мало-мальски пригодного в пищу. Конечно, можно было бы слетать в низину – тут всего пару часов лету – и удовлетвориться какой-нибудь обезьяной, зайцем или, на худой конец, крысой, но что-то внутри не отпускало его от этого места, он знал, что это – его территория и упрямо продолжал оглядывать пустынные горные склоны. Что-то внутри него удивилось, каким поразительно острым зрением он обладает: с высоты пары километров он видит мельчайшие детали горного рельефа, и зашевелились под верхним слоем снега какая-нибудь мышь, он несомненно разглядел бы и это! Однако, почему его все это удивляет, ведь такое зрение было у него всегда? Да, сейчас он не побрезговал бы и мышкой, хотя это была самая презренная добыча, которую ему приходилось в своей жизни умерщвлять, он уже очень давно не ел мышей, ящериц и лягушек, не говоря уже о бабочках и стрекозах. А ведь он хорошо помнил, что в далеком детстве, когда еще только учился летать, гонялся за стрекозами и бабочками, пока мать не устроила ему взбучку. Она объяснила, что не гоже будущему могучему беркуту гоняться за презренными насекомыми, что даже те птицы, которые сами питаются насекомыми – ласточки, воробьи, синицы не достойны внимания гордого орла в качестве источника пищи. Их достойная добыча – горные антилопы, серны, кабарги, козероги. Правда в начале своей охотничьей деятельности он иногда добывал мышей и маленьких птиц и даже кормил ими своих первенцев, но позже, в расцвете своих сил, он уже никогда не тратил сил на добычу, которая не только не насыщает, а лишь возбуждает аппетит.

Голод все сильнее мучил его могучее тело, но он почему-то упорно продолжал парить в очерченном горном районе и отметал всякие мысли о том, чтобы спуститься в равнину и поймать какую-нибудь добычу полегче – уж там-то в лесной зоне он наверняка что-нибудь быстро поймает и пообедает. Но почему он кружит именно здесь? Гаруда сам не мог понять своего упорства, а потом возникла мысль, что он должен здесь встретить каких-то знакомых. Но каких? Какие могут быть знакомые у орла? Только его семья! Но не так давно он овдовел и осиротел: однажды вернулся с добычей в свое гнездо, а оно оказалось разорено: его двое орлят и жена бесследно исчезли. Остались только перья и пятна крови, свидетельствующие о том, что жена вступила в схватку с незванным гостем, но скорее всего погибла. Правда он так и не смог ее найти. Он не знал, кто это мог сделать, возможно это был Гималайский медведь, возможно ирбис – вряд ли леопард мог забраться так высоко в горы, а тигры, как известно, не лазают по деревьям. По крайней мере никакой другой зверь, лазающий по деревьям, не смог бы одолеть его жену. Долгое время он мечтал встретить своего врага, чтобы поквитаться, пусть даже погибнуть самому – но как узнать, кто это был, его враг не оставил никаких следов по которым он смог бы его выследить и поквитаться сполна. Эта трагедия произошла уже полгода назад, пора уж было бы обзавестись новой подругой и семьей, но Гаруда

все почему-то медлил, словно память о жене и детях никак не отпускала его сердце. Впрочем он давно уже не рассчитывал выследить своего неизвестного врага и парил над этим горным участком совсем не для этого, он собирался высмотреть кого-то знакомого – но кого? Он сам удивлялся этой навязчивой неконкретной идее, однако упорно продолжал высматривать неведомо кого.

И вдруг что-то желто-серое мелькнуло среди скал и орел насторожился: похоже, это была долгожданная добыча – крупная серна, которых он немало умертвил на своем веку – обычная его пища – кстати, наиболее изысканная, можно сказать – деликатес, поскольку у горных козлов мясо более жесткое и пахучее, а кабарга слишком мала. Тогда понятно то упорство, с которым он несколько битых часов кружился над этим местом – очевидно он на уровне интуиции предчувствовал, что серна спрячется именно здесь, и чувствовал, что она рано или поздно появится. Так что «знакомые» здесь не причем, наверное – обычные фантазии, от голода нередко мерещится бог знает что. Возможно он и видел вначале мельком эту серну, но почему-то забыл, а она спряталась вблизи валуна и ждала, когда он улетит, а теперь вылезла, нельзя же там вечно сидеть даже при всей осторожности серн – можно и серьезно обморозиться, все же высокогорье, не низина. Наверное она его пока не заметила, поэтому его действия должны быть быстрыми и решительными, иначе серна снова спрячется – но тут уж как повезет, кто кого. Он, конечно, безукоризнен, его охотничьи приемы отшлифованы многолетними упражнениями, но ведь и серна, судя по всему, не первые месяцы живет на земле и ее дар убежать и прятаться так же должен быть отточен до совершенства.

Гаруда сделал несколько едва уловимых взмахов крыльями, чтобы не привлекая внимания оказаться в точности над жертвой, поскольку дальнейшая корректировка будет весьма затруднена, затем сложил крылья и начал падать вниз, чтобы расправить крылья буквально в метре над жертвой. Если хотя бы на мгновение выпустить их раньше, то у жертвы гораздо больше шансов убежать – и не всегда преследование дает положительный результат, если же на долю секунды просрочить, то можно насмерть разбиться о скалы. Гаруда очень гордился своей способностью выпускать крылья в последний момент, почти касаясь жертвы своими смертоносными когтями, поэтому подавляющее большинство его стремительных пики оказывалось смертельными для жертвы. К тому же это давало непередаваемое удовольствие игры со смертью, и без подобных рискованных трюков жизнь становилась пресной и скучной.

Уже сложив крылья и набирая скорость в свободном падении, Гаруда подумал, что совсем недавно испытывал это чувство нарастающего падения, когда внутри все словно бы замирает от скорости – и сам же удивился своему воспоминанию. Он точно знал, что падал таким образом не менее двух дней назад, когда убил молоденькую кабаргу и растягивал эту маленькую антилопу на целые сутки – в течение последних суток добыча ему не попадалась и он был очень голоден. Так обычно и бывает в первые сутки голода – ему приходилось голодать и по несколько дней, но на второй и третий день голод притупляется. Странно, откуда же это чувство, что он падал буквально час назад? Хотя... это несколько другое чувство, тогда было ощущение, что он падает снизу вверх... странно, так ведь никогда не бывает: низ есть низ, а верх есть верх, они никогда не меняются местами, и падать вверх просто невозможно. Однако в следующий момент орел сосредоточился на своей жертве, которая тревожно оглядывалась, но почему-то ни разу не взглянула вверх, и когда он миновал некий критический рубеж, то уже точно знал, что жертва никуда не денется. Гаруда прекрасно чувствовал до какого момента она еще имеет шанс на спасение, а с какого он в любом случае ее достанет, слегка изменив направление полета, даже если серна отпрыгнет в сторону. Так и произошло: в последний момент горная антилопа подняла голову вверх и их взгляды встретились: торжествующий, уже вкушающий трепещущую плоть в своих когтях гипнотизирующий взгляд орла, и вначале просто тревожный, но в мгновение наполнившийся ужасом взгляд жертвы. В это мгновение – очевидно в роковые моменты время растягивается у всех живых существ – у Гаруды вновь возникло

чувство узнавания. Словно он видел уже эти глаза и этот взгляд, причем раньше этот взгляд был совсем иным он мог отражать и страсть и любопытство и тревогу, и хотя сейчас в нем не было ничего, кроме ужаса и обреченности, все равно, это был взгляд, который он когда-то хорошо знал, который когда-то принадлежал близкому существу. Но которому? В своей жизни он умертвил не один десяток серн, и никаких подобных ощущений узнавания он никогда не испытывал. Впрочем, это было мгновенное чувство, которое тут же было поглощено азартом и дикой жадой крови.

Серна отчаянно метнулась в сторону, очевидно потеряв голову и не сообразив, что самый верный путь к спасению был вновь забраться в расщелину между двумя валунами, куда орел никогда не полез бы: там было сложно развернуться и серна могла бы пустить в ход рога и острые копыта. Но в панике она приняла неверное решение и это стоило ей жизни: Гаруда слегка выставил вбок кончик крыла, изменил направление полета и когда до жертвы оставалось чуть больше метра, резко расправил крылья и впился серне когтями в загривок, недалеко от ее хрупкой грациозной шеи. Антилопа тяжело рухнула на подогнувшиеся от удара ноги, затем завалилась на бок и стала отчаянно биться, пытаясь дотянуться до орла острыми копытами и рогами. Боролась за жизнь она отчаянно, но, помимо разницы в силе и вооружении, между ними была еще одна большая разница: эта серна билась с орлом впервые (к несчастью для нее и в последний раз), для орла же она была всего лишь одной из вереницы жертв. Гаруда хорошо знал, как сломить ее отчаянное сопротивление и совершить смертельный захват. Поэтому, когда он вместе со своей жертвой завалился на бок, вроде бы соскользнув с ее спины, это не означало, что он терпит неудачу и тем более поражение от взрослой антилопы, по меньшей мере в два раза более тяжелой, чем он сам. Нет, вес не имел здесь особого значения, и его падение на бок означало только то, что он добрался своими смертоносными когтями до горла жертвы и в этом положении гораздо легче, не разжимая хватки выдержать последние конвульсии агонии. Гаруда вперил свой немигающий безжалостный взгляд (как можно жалеть свою пищу?) в закатывающиеся глаза хрипящей серны и вновь, уже в третий раз за это короткое время у него возникло странное состояние, чего с ним не было никогда раньше и чему он не находил объяснения, правда быстро об этом забывая. Вдруг в его сознании прозвучал человеческий голос, подобный которому он слышал и раньше, низко пролетая над человеческими поселениями, или когда ему приходилось воровать кур или ягнят. Но никогда раньше этот голос не звучал в его сознании, и тем более никогда эти сложные звуки не несли с собой какого-то смысла, кроме агрессии и угроз в свой адрес. На этот же раз человеческие звуки имели смысл в его сознании, подобно звукам орлиного голоса: «Милый Рам, ты снова убиваешь меня»!

Гаруда от удивления встрепенулся, и если бы ни давно сформированный условный рефлекс, наверное бы разжал когти – но в следующее мгновение уже позабыл об этих странных психических явлениях – серна испустила свой последний предсмертный хрип и затихла, постепенно переходя от дикого предсмертного конвульсивного напряжения к состоянию расслабленности ранней смерти. Гаруда удовлетворенно разжал когти, упругим прыжком, полурасправив крылья, вскочил на спину добыче и торжествуя несколько раз проклекотал клич победы. Закончился азартный, но тревожный акт охоты и наступил самый приятный момент – момент долгожданного обеда.

Гаруда начал рвать еще теплую кровоточащую плоть. Как всегда труднее всего было разорвать шкуру, все же клюв и птичьи когти были менее приспособленным для этого инструментом, чем зубы и когти тигра или гиены, однако же шкура серны была менее прочной, чем шкура горного козла, и Гаруда неплохо обходился и этими своими природными приспособлениями. И тут, когда он запрокинул голову, заглатывая первые куски еще теплого мяса перед ним вдруг всплыла невозможная картина, подобной которой он не видел в своей жизни – ну разве что во сне, но своих снов он не помнил в бодрствующем состоянии. Прямо из неподвижного тела серны выдвигался полупрозрачный, но вполне видимый образ. Вначале это было про-

сто аморфное неоформленное облачко, но очень быстро оно начало приобретать конкретную форму и вскоре перед изумленным взором Гаруды возникла невиданная картина: над телом серны зависла ее полупрозрачная копия. И это бы еще полдела – на этой копии верхом восседала такая же полупрозрачная молодая женщина в розовом (несмотря на прозрачность цвет виделся отлично) сари и с укором глядела на Гаруду. Гаруда почувствовал что с ним и с его сознанием происходит что-то не то, и на этот раз изменение сознания было уже гораздо более глубоким. Он ощутил внутреннее раздвоение, словно что-то разумное, осознающее начинает выплывать за грань его перьев, и в следующий момент он осознал себя Андреем. Нет, пожалуй только отчасти Андреем, а отчасти совсем недавно скончавшимся индийским кшатрием Рамом, правда в едином лице, восседающем, подобно девушке, на словно бы спящем с распростертыми крыльями орле. Еще мгновение и Андрей-Рам полностью осознал себя человеком. А еще он узнал эту девушку на серне: это была, несомненно, Рати, в смерти которой много лет назад он считал себя повинным, и душа которой привела его к столь печальному концу. Как мы помним, чтобы избавиться от навязчивых видений Рати с угрозами забрать его с собой, как человека чести, не выполнившего обещания, он начал бесконтрольно, почти каждую ночь принимать магический напиток Сому, и в скором времени Сома забрала его. Хотя в этот момент в душе Андрея-Рама возникло сомнение: а действительно ли Сома безвременно оборвала его жизнь? Похоже, здесь что-то было не так, правда, что именно не так, он не успел обдумать, поскольку с образом девушки, восседающей на серне, начала происходить новая метаморфоза. Серна вдруг резко откинула голову назад и ее острые рога, ставшие после смерти гораздо длиннее, чем у ее физического прототипа, вонзились девушке прямо в грудь, проткнув ее тело насквозь. В следующий момент серна вырвалась из-под своей наездницы, снова резко взмахнула головой, но не вытащила рога, а обломала их, после чего эти рога увеличились в размерах, слились и превратились во вполне узнаваемый Андреем-Рамом металлический кол, на который напоролась Рати, упав в яму-ловушку в одном из коридоров пещерного храма. Душа серны освободилась от девушки, открыла доселе закрытые глаза, и увидев своего недавнего убийцу, да еще с восседающим на нем человеком, в ужасе дико забила копытами и начала подниматься вверх, в сияющие небеса еще совсем недавно доступные только ее крылатому убийце. Девушка с колом в груди протянула руки к Андрею-Раму и тихо проговорила, ничуть не смущаясь торчащим из груди металлическим стержнем:

– Милый Рам, ты снова убил, но на этот раз освободил меня.

В этот момент произошла новая перебивка кадра, Андрей-Рам перестал быть собой, а его человеческое (вернее посмертно-человеческое) сознание угасло, а как бы спящий орел вновь проснулся и вновь стал Гарудой, рвущим и глотающим кровавую плоть серны. На мгновение в сознании орла мелькнуло воспоминание, что он только что видел нечто удивительное, да и вообще был кем-то иным, но эта вспышка угасла так же, как все предшествующие – разум орла был не приспособлен держать в голове столь сложные образы и понятия. Он вновь приступил к прерванной было трапезе – его голод оставался еще достаточно силен – как вдруг из-за ближайшего валуна раздалось угрожающее рычание-шипение. Гаруда резко повернулся и увидел, что сзади к нему подкрадывается, низко пригнувшись к земле, снежный барс-ирбис.

Несомненно, если бы ирбис (это была крупная опытная самка, в самом расцвете сил) собирался напасть на самого Гаруду, то он бы подкрался более незаметно и уж точно бы не рычал предупредительно. Ясно, что в качестве обеда беркут не представлял для него никакого интереса, тем более вступать в бой с крупным, сильным орлом небезопасно даже для барса и по меньшей мере чревато серьезными ранами. Гаруда хорошо понимал, что ирбиска для него не опасна и желает полакомиться его добычей, зная, что нормальный орел не будет связываться с более сильным противником. В любом другом случае Гаруда и не стал бы с ней связываться, даже будучи голодным, он знал, что шансов победить матерого барса у него нет, тем более вступив в битву на земле, где он терял свое основное преимущество. Конечно, жалко

терять обед, еще толком не утолив голода, к тому же крупную серну можно было бы растянуть на два-три дня, как следует упрятав ее в скалах, но такова жизнь: вчера ограбил он (а он сам нередко воровал чужую добычу), сегодня ограбили его – а завтра он сам опять кого-нибудь ограбит. Обидно, конечно, но лучше потерять добычу, чем жизнь. Однако сегодня что-то держало Гаруду от того, чтобы благоразумно улететь – благо времени на это было вполне достаточно – и чем ближе подходила ирбиска, тем сильнее крепло решение Гаруды вступить в бой – возможно даже в свой последний бой. Все дело в том, что с его сознанием снова, уже который раз за эти пару часов произошли непонятные эффекты. Он вдруг совершенно отчетливо понял, что эта мощная, изящная горная кошка и есть убийца его жены и детей, хотя вряд ли достойное занятие для взрослого барса разорять птичьи гнезда. При этом непонятно откуда взявшаяся уверенность сопровождалась внутренним кинофильмом (подобных отчетливых картинок внутри сознания Гаруда в своей жизни не мог припомнить). Он ясно увидел, как эта самка ирбиса забирается на старый, развесистый тис, на котором было сооружено огромное гнездо Гаруды. Затем осторожно забирается в гнездо и начинает убивать его беспомощных орлят, с легкостью прокусывая их хрупкие, покрытые нежным пухом беззащитные тела. Затем Гаруда увидел, как на барса с отчаянным криком налетает его орлица и между ними разыгрывается жестокая схватка, при этом гнездо проламывается и ирбиска вместе с впившейся в нее орлицей падают с дерева, ломая ветки. Очевидно падение с пятнадцатиметровой высоты могло бы закончиться для барса плачевно, но получилось так, что орлица оказалась невольной спасительницей своего врага, поскольку во время падения она рефлекторно махала крыльями, и это в значительной мере смягчило удар о землю. К тому же в момент удара о землю ловкая ирбиска извернулась и оказалась наверху, чем еще больше смягчила себе и без того смягченный полет. Орлица же напротив оказалась оглушенной, а возможно даже потеряла сознание, и этой паузой сумела воспользоваться быстро пришедшая в себя ирбиска, добравшись до шеи орлицы и перекусив не очень прочные птичьи позвонки. Последнее, что видел Гаруда в своем эйдетическом видении – это то, что ирбиска утаскивает орлицу в лес и скрывается за деревьями. Была ли она съедена или выброшена где-нибудь вдали от гнезда, Гаруда так и не увидел.

Все эти видения в мгновение пронеслись в сознании орла, и к тому моменту, когда ирбиска подступила к самой серне, Гаруда уже знал, что будет сражаться и постарается убить своего более мощного и лучше вооруженного противника – пусть ценой собственной жизни – и не за жратву, а за память по коварно убитой семье. Поэтому когда ирбиска, не торопясь, подошла к едва початой тушке и сделала с угрожающим шипением резкий выброс в сторону орла, впрочем, очевидно и не собираясь его кусать, тот взмахнул крыльями и тяжело начал подниматься вверх, хотя по всем неписаным законам иерархии, он обязан был отскочить в сторону и, проглотив обиду, ждать на безопасном расстоянии, пока огромная кошка насытится и быть может не утащит добычу с собой, а позволит орлу доклевать то, что от нее осталось. Впрочем, ирбиска, возможно, и не стала ломать голову над тем, правильно ведет себя орел или нет, и, не ожидая подвоха, неторопливо приступила к трапезе, улегшись на туше серны и придавив ее лапами так, чтобы ее легче было освежевывать.

Однако Гаруда не собирался улетать, он неторопливо набрал высоту, как недавно при охоте на серну, и камнем упал на широкую спину снежного барса, безукоризненно выпустив крылья, чтобы не разбиться и удержать равновесие, впившись кошке в загривок. Маневр орла, очевидно, оказался для ирбиски неожиданным, и это давало Гаруде немалые шансы на победу. Пока опешившая кошка пыталась вырваться из стального захвата, Гаруда продолжал бешено бить крыльями, чтобы сохранить равновесие, оглушить ее ударами крыльев и не соскользнуть под смертоносные когти и зубы. Правильно сделав несколько перехватов когтями, Гаруда наконец добрался до заветного горла и еще сильнее стиснул стальной захват, издав при этом торжествующий клекот. Ему казалось – победа близка и жена его будет отомщена, и найдет, наконец,

свое успокоение в том загробном орлином царстве, где она вместе с орлятами не могла найти покоя, пока по свету бродил ее убийца.

Гаруда знал, что поломать шейные позвонки такому мощному зверю, как ирбис, невозможно ни его когтями, ни клювом, ни крыльями, и если он в первые минуты не придушит ирбиску, она так или иначе сбросит его со спины. Хотя он никогда не охотился на барсов, он знал, что анатомия у всех четвероногих достаточно схожая и сместил свой захват немного вбок, пережав огромной кошке сонную артерию. В результате беркут завалился на бок, соскользнув со спины ирбиски, правда не ослабив захвата. По-видимому только к этому времени оглушенная вначале кошка очнулась и поняла, что дела ее весьма плачевны, и тогда, пытаясь вырваться из стального захвата, она начала бешено извиваться по земле. Если такую жертву, как серна и даже дикий козел Гаруда еще мог удержать, чтобы не дать им возможности кувыркаться вокруг своей оси, то удержать таким же образом взрослого барса у него не хватало сил. Тем не менее, несмотря на бешеное вращение и попытки сбить его с помощью ударов головой о землю, Гаруда продолжал контролировать захват и ни разу не попал под смертельные когти и зубы. К счастью для него, то место, в которое он впился, было труднодоступным для лап и тем более для зубов зверя. Вскоре бешеное сопротивление барса начало стихать: Гаруда умело перекрыл доступ крови к головному мозгу, из пасти врага пошла кровавая пена, а Гаруда так и не получил ни одной серьезной раны, хоть и был полуголушен сильными ударами о землю. Прошло еще несколько минут – впрочем реального течения времени Гаруда не замечал – и ирбиска вроде бы затихла, ее задние лапы вытянулись и конвульсивно задрожали.

И тут Гаруда совершил свою единственную, но роковую ошибку. Не отпуская захвата, он приподнялся и приблизил к морде ирбиски свою голову, желая взглянуть в глаза издыхающему врагу и передать взглядом свое торжество: «узнаешь меня? Ты убила мою жену и двух орлят, теперь они отомщены, и будь ты проклята!» Увы, это желание, заставить врага понять в свои последние секунды, что над ним свершилась праведная месть, стоило ему жизни: ирбиска из последних сил извернулась и захлопнула мощные челюсти на непрочной шее орла. Последнее что увидел Гаруда в своей орлиной жизни, были глаза ирбиски, пылающие лютой ненавистью и торжеством. Тут восприятие Гаруды – перед тем как окончательно угаснуть вновь трансформировалось, и он увидел, что это вовсе не глаза дикой кошки, это человечески глаза с круглыми зрачками. Он хорошо знал этот взгляд, он видел его не так давно... но где? В следующий момент орлиное сознание угасло, правда вскоре вернулось, но это было уже сознание человека – то самое, которое на короткое время сменило орлиное сознание, когда Гаруда расправлялся с серной.

Андрей-Рам всплыл над конвульсивно дергающейся птицей и еще не до конца ощущая себя человеком (правильнее – астральным человеком) с удивлением наблюдал за происходящим внизу. А происходило следующее: орел вскоре застыл, но так и не разжал свою хватку, ставшую мертвой толи благодаря последнему сознательному импульсу из угасающего мозга, толи в результате предсмертной судороги. Очевидно и ирбиска исчерпала свои последние жизненные ресурсы и почти сразу после того, как перекусила шею Гаруды, потеряла сознание и вытянулась в последний раз. И тут с ее телом стали происходить такие удивительные метаморфозы, что Андрей-Рам засомневался, видит ли он реальные события, происходившие очень давно в Энрофе, либо это какая-то астральная символика отражения очень похожего на Энроф. Кошачьи пропорции мертвой ирбиски начали изменяться, конечности вытянулись, туловище же, напротив, укоротилось. Не прошло и минуты, как перед Андреем-Рамом лежало тело обнаженной женщины – уже не юной, но еще и не увядшей. Женщина лежала, словно на ложе из собственных иссиня черных волос, достающих почти до пят, и хотя лица ее не было видно, Андрей-Рам сразу узнал это тело, когда-то ему столь желанное и любимое: это было тело его жены и Шакти священнослужительницы Дурги. Рядом с ней, сжимая руками ее горло лежал он сам, а под ними обоими – растерзанное тело служанки Рати. Рам еще не осознал

до конца, что произошло (теперь он был уже в гораздо большей степени Рамом, чем Андреем, хоть и осознавал свое отношение к кому-то еще, помимо безвременно умершего кшатрия – искателя тайных знаний), а земной мир уже начал застилаться пока еще прозрачной пеленой. Из обнаженного тела женщины, еще недавно бывшей горной кошкой, начала выпростаться другая, астральная, облаченная в розовые одежды с накинутой на плечи шкурой снежного барса, очень похожая на изображения Кали-воительницы, которые Рам видел каждый день на стене зала для проведения тантрических ритуалов. Правда рук у Дурги, в отличие от десятирукой Кали, было только две.

Сознание Рама-Андрея все больше освобождалось от животного тумана, и самоощущение орла практически уже не вуалировало его мировосприятия. В следующее мгновение он вспомнил, как виделся с Дургой где-то неподалеку, в Гималаях, как после их страстной любви на берегу хрустального ручья (несмотря на чей-то запрет) она превратилась в огромную каменную статую по ноге которой он яростно колотил кулаками, проклиная богов, забравших его любовь и грозился поступить в услужение дьяволу. Вспомнил, как из пустоты возникли две богоподобные жрицы, и слова, произнесенные одной из них: «Забираем у тебя младенца истины и вручаем цветок силы». Хотя, такое ведь вряд ли могло произойти на земле... перед этим что-то случилось! Почему он так плохо помнит, что было перед этим? И как он очутился в этой горной местности. Ко всему он помнит, что сердце его наполнилось торжеством, и он превратился в орла и долго летел над горными вершинами, созерцая каких-то седых великанов, величаво дремлющих на усыпанных бриллиантами и сапфирами тронах, словно бы естественным образом вырастающих прямо из недр горных вершин. А потом все резко изменилось – изменилось освещение, небо стало голубым, на нем засияло Солнце, а горные вершины оделись в причудливые шапки облаков. И не существовало уже никаких великанов, он всю свою сознательную жизнь был беркутом Гарудой, его мучил голод и он выискивал какую-нибудь жертву.

Дальнейшее, увиденное глазами орла, в тело которого немислимым образом переместилось сознание Рама-Андрея, он помнил уже очень хорошо, вплоть до возвращения в астральную природу человека. Выходит, он реинкарнировал в орла, причем не в момент его рождения, а незадолго до гибели. Странно, а ведь он никогда не верил, что человеческая душа может вселиться в тело животного, считал это народным суеверием, и на то у него были достаточно веские аргументы. Если вектор духовной эволюции направлен от грубого к тонкому в ее восходящей части спирали и душа проходит долгий путь совершенствования, проходя поэтапно фазу камня, растения, животного и лишь потом – человека, то подобный возврат просто невозможен: душа по природе должна соответствовать своему вместилищу. А выходит, все это правда и душа человека может вселиться в тело орла, правда почему-то не с рождения – как же такое возможно?!

Стоп... реинкарнировал в орла... выходит, он умер? А ведь и правда, вся эта история с женой, превратившейся в каменного истукана, и эти богоподобные жрицы, взявшиеся из воздуха! Все это мало напоминало земные события. А что было до того, как он очутился в горной местности с черным небом над головой? Там, где нет ни одного знакомого созвездия, нет ни луны ни солнца, но светло как днем – вернее – в преддверье сумерек, когда все предметы удивительно контрастны и словно бы обладают едва приметным самосвечением? Выходит, прежде, чем он превратился в орла, он оказался в каком-то загробном мире, и это не обычный астральный выход, каких он мог припомнить в своей жизни немало – он бы это точно знал и ощущал некую связь со своим физическим телом. Сдесь же ничего подобного не было, он не ощущал связи ни со своим физическим телом, ни с земным миром вообще.

Так, а что было до всего этого? А до всего этого он сидел под скалой на берегу моря Вечности и беседовал со своей Единственной... Маргаритой... да нет, не Маргаритой, – Анной! А еще раньше путешествовал по тайге и угодил в необъяснимую ситуацию! А до этого был летаргический сон, а до этого он изготовил Сому и чуть было не убил с помощью чудесных

нитей Людмилу Георгиевну Туранцеву. Толкнул ее с помощью этих нитей под автомобиль, но в последний момент одумался и выдернул буквально из-под самых колес. Стоп! Какие такие автомобили?! Самоездящие колесницы? Он что, был в гостях у небожителей, которые передвигаются в волшебных аппаратах? Или это будущее, и по земле будут ездить такие колесницы? Будущее... Господи! Да ведь он же никакой не Рам! Он – Андрей Данилов, живет в двадцатом веке, а Рам – это его давняя индийская инкорнация. Из замка Вечности он угодил в близкое посмертие Рама, когда его душа почему-то ненадолго переместилась в тело горного орла.

И тут Андрей вспомнил, что было незадолго до смерти Рама. Собственно, ничего особенного: он в очередной раз перед сном принял Сому, чтобы спастись от неприкаянной души служанки храма, Рати, но в этот раз в Соме оказалось подмешано что-то еще. Он слишком поздно понял, что именно, и еще он понял, что отравила его Дурга, его жена, его возлюбленная, его Шакти – так же, как она отравила своего первого мужа Сахадеву. Андрей вдруг ясно увидел и услышал разговор Дурги с ее наставницей Дакини, и хоть в разговоре с ней Дурга и отказалась убивать своего мужа, как отработанный материал, однако Рам знал, что в дальнейшем она приняла решение.

А впрочем, возможно это знал не Рам, возможно это знал Андрей, в астральном сознании которого чудесным образом переплетались знания и чувства Рама и Андрея. Он ясно увидел то, чего физическим зрением не мог видеть Рам, поскольку тело его к тому времени уже было мертво. Дурга врывается в комнату Рама, при этом Андрей четко понимает, что она ужаснулась своего поступка и бросилась исправлять ситуацию, но, как оказалось, слишком поздно. И тогда в отчаянии она обнимает и целует бездыханное тело мужа и с судорожными рыданиями повторяет: «Я не успела, я не успела, прости меня, любимый, прости». Затем она подходит к шкафчику, где стоит недопитый хрустальный сосуд с отравленной Сомой, наливает бокал, выпивает его и ложится рядом с Рамом. Вскоре она засыпает и сон ее незаметно переходит в смерть. Дальнейшее Андрей видит словно бы глазами Дурги, но продолжая себя осознавать Андреем и отчасти Рамом: это была та самая сцена, которая происходила с Рамом в неизвестной горной местности, но увиденная глазами Дурги, и когда Рам, превратившись в могучего горного орла, расправил крылья и улетел, статуя Дурги претерпела обратные изменения от каменного истукана до живого существа. Но существом этим была уже не прекрасная жрица храма Кали Воительницы, а гибкая пятнистая самка ирбиса. И эта астральная копия, так же как копия Рама, вскоре нашла свое тело в физическом мире, превратившись в реальную горную кошку. Правда не надолго: их последняя встреча с Рамом в образе снежного барса и беркута оказалась последней. Правда, зачем было нужно это повторное убийство друг друга в зверином и птичьем обликах Андрей так и не понял.

Все это в мгновение пронеслось в его сознании, он уже и сам не знал, кто в большей степени – Рам или Андрей, в его памяти всплывали эпизоды и каких-то других жизней, происходивших в самые разные времена.

Помимо хорошо знакомых ему эпизодов из жизни Фауста и Рама, откуда-то из глубины его природа, словно первые пузырьки в доведенной до кипения воде, начали всплывать незнакомые сценки, которых в своей реальной жизни он никогда не помнил. Пока это еще были сцены вроде бы увиденные со стороны, и тем не менее ощущение, что все это происходило именно с ним, крепло от раза к разу, хоть люди были незнакомы и эпохи угадывались с трудом.

Вот смуглый мальчик, лет семи из последних сил бьется в роскошном закрытом мраморном бассейне, пуская кровавые пузыри, а в ногу ему стальной хваткой вцепился средних размеров крокодил, правда в воде он кажется огромным, гораздо больше, чем в действительности. В последний момент мальчик видит, что из-за дальних колонн зала появляется черная кошка, а за ней бежит молодая смуглая девушка лет семнадцати, выхватывая из-за спины маленький, тугой лук.

Вот загорелый юноша как зачарованный смотрит на причудливый танец полуобнаженной танцовщицы в набедренной повязке из шкуры леопарда в каком-то незнакомом языческом храме, затем словно загипнотизированный идет к ней, вытянув руки, и в этот момент кто-то наваливается на него сзади и вонзает кинжал под лопатку.

Вот бородатый мужчина среди защитников какого-то древнего прямоугольного строения посылает стрелу за стрелой в толпы наступающих, ползущих по приставным лестницам воинов, и по характеру вооружения и на уровне осознания Андрей догадывается что это римляне, штурмующие храм Соломона в Иерусалиме.

А вот уже совсем свежие впечатления, и в отличие от прочих сценок Андрей видит это словно бы собственными глазами, одновременно сознавая, что это один из эпизодов бурной жизни Рама, который ранее не попадался в его поле видения во время экскурсов в прошлое. Рам в легких доспехах-чешуе, закрывающих туловище и плечи до половины, участвует в какой-то вооруженной стычке на каменистом берегу небольшой, но очень бурной речки. В отдалении простираются заснеженные горные хребты, неподалеку от него в поле зрения лежат тела нескольких монголоидного вида мужчин, одетых в грубые одежды из ячьей шерсти.

Несколько человек продолжают сражаться, а сам Рам теснит совсем молодого парня такого же монголоидного вида, и Андрей почему-то знает, что это тибетцы-разбойники, напавшие на караван в котором Рам путешествует по Гималаям. Разбойники что-то не рассчитали, караванщики оказались хорошо вооружены и готовы к сражению, к тому же их оказалось гораздо больше, чем разбойники предполагали.

Сейчас большая часть разбойников рассеяны и скрылись, но какую-то нерасторопную часть удалось прижать к бурной реке, прыгнуть в которую – верная смерть. В данный момент происходит заключительная сцена: превосходящие силы караванщиков, среди которых и Рам, добивают незадачливых грабителей. Противник Рама – совсем молодой парень, воин гораздо менее искусный, чем Рам – обречен, он это хорошо понимает, на его оскаленном лице взгляд затравленного зверя, он уже выбился из сил, но упорно борется за свою жизнь, не понимая, как так получилось, что он из охотника сам превратился в жертву. Руки его по-прежнему судорожно сжимают короткую кривую саблю, он ранен и из нескольких ран течет кровь.

Он по сути дела только отражает из последних сил удары Рама, причем не очень успешно, Рам же откровенно развлекается, понимая свое полное превосходство. Он совершает замысловатые вращательные движения легким дамасским клинком, и острие не сильно касается то одного, то другого участка тела разбойника. Рам давно уже мог бы убить этого юнца, по глупости или по нужде присоединившегося к шайке горных грабителей-неудачников, но продолжает развлекаться, как кошка с мышкой, а отчасти ему даже жалко этого юного дурака, который теперь должен умереть во цвете лет, возможно так и не испытав в своей жизни ничего хорошего. В сердце Рама также особое острое чувство распорядителя чужой жизнью: захочу – убью, захочу – помилию, но помиловал ли бы ты меня, окажись я на твоём месте, и где гарантия что в этом случае ты не отомстишь мне в будущем? Раму это чувство хорошо знакомо, очевидно аналогичных случаев было немало в его богатой событиями жизни.

Итак Рам испытывает некоторые сомнения и даже жалость к юнцу, но долг кшатрия велит убить разбойника, чтобы избавить мир от еще одной бешеной собаки. Он выбивает из рук парня саблю – наверняка отобранную у убитого им купца, при этом парень делает неловкое движение, спотыкается о камень и падает. Рам приставляет к его груди клинок, но медлит, преодолевая жалость, и в этот момент парень начинает что-то лопотать на тибетском, который Рам пока что знает плохо, но и так ясно, что он молит о пощаде и несколько раз повторяет слово «мать», который Рам хорошо знает, а также «голод» и «смерть». Ясно, что парень хочет сказать, что если Рам его убьет, то его большая старая мать, у которой он возможно единственный кормилец, умрет от голода. Подобные мольбы Рам слышал в жизни не раз, скорее всего это банальная ложь, чтобы разжалобить противника, и Рам произносит по-тибетски нравуочи-

тельную фразу, которую он выучил давно: «А думал ли ты о матерях тех людей, которых ты убил и ограбил»? С этими словами Рам всаживает клинок в хорошо знакомое ему место груди между третьим и четвертым ребром слева. Меч входит легко, словно в масло, не находя по пути препятствий: Рам хорошо знаком с анатомией для более эффективного убийства. Парень конвульсивно дергается и затихает.

Вслед за этой яркой сценой в сознании Андрея всплыли и другие картинки связанные со сражениями в жизни Рама. Они были подробными и сопровождалась множеством деталей, которые почему-то запомнились в той или иной экстремальной ситуации, где чаша весов могла склониться и не в пользу Рама, но каждый раз склонялась к последнему. Подобных случаев было немало, и мы не будем их описывать, поскольку все они во многих моментах совпадали. К чести Рама можно сказать, что во всех ситуациях он вел себя достойно, как полагается воину, а не убийце, и каждый раз, убивая, Рам испытывал странное ощущение, словно какая-то частица жизни, сознания и судьбы убитого вливались в его душу и завязывали некую связь с убитым.

Все эти видения в мгновение пронесли перед сознанием Андрея и как знать, сколько еще времени он продолжал бы наблюдать сценки чужих жизней, которые тем не менее словно бы неслышно шептали, что все это происходило с ним, Андреем, если бы от этого интересного занятия его не отвлекло следующее. Из распростертой на земле женской фигуры всплыла в воздух подобная ей, эфирная, в недавнем земном бытии его коварная жена. Андрей хорошо помнил и будучи в астральном образе, кто отправил Рама на тот свет. Какое-то время Дурга висела в пространстве с закрытыми глазами, затем глаза ее раскрылись, она призывно протянула к Раму руки и повторила те слова, которые были последними в ее земной человеческой форме:

– Я не успела, не успела, прости, любимый!

Андрей, который к этому времени хорошо знал ситуацию в целом, уже без обиды, укора и тем более ненависти по поводу безвременно загубленной жизни, посмотрел на Дургу. Он подумал, что она, впрочем, и не так виновата, поскольку множество условностей бывшего статуса руководили ее поступками вопреки воле, а извращенное в земных условиях чувство долга порой заставляло совершать поступки, которые она в ином случае никогда бы не совершила. Вслух же он сказал (хотя Дурга несомненно видела и так всю гамму чувств, возникшую в его душе):

– Я ни в чем не виню тебя, возможно для жрицы храма Кали- воительницы это был единственный выход, а для Рама, возможно, и лучшая из трех смертей. По крайней мере эта мука уже позади, и я даже благодарен тебе. Но скажи, каким образом ты превратилась в снежного барса?

– Но ведь и ты превратился в орла, – грустно ответила Дурга. – Так или иначе ты рассчитался со мной и этим исполнил мое тайное желание: я приняла яд, сознавая, что уже не могу умереть от твоей руки, что было бы гораздо справедливее. Очевидно Кали услышала эту мою мольбу и дала возможность осуществиться моей просьбе таким необычным способом. И этим же способом она облегчила грех самоубийства. Помнишь нашу встречу в горной долине посмертия? Это местность, где дается еще один шанс для исполнения нереализованных желаний. Ты желал отомстить мне и отомстил, я желала умереть от твоей руки и умерла. Теперь я могу спокойно передать себя в руки Кали, у тебя же, как я вижу, другой путь.

– Наверное, другой, – сказал Рам-Андрей, – я ощущаю, что Рам – это лишь малая моя частица, в действительности же я – нечто гораздо большее. Ты не поверишь, но сейчас я знаю, что долгое время видел такие чудеса будущей жизни, о которых мы в нашей темной Индии даже представить себе не могли. Представь себе самоходные стальные коляски, несущиеся быстрее арабского скакуна, и стальные птицы, несущиеся высоко над землей стократ быстрее. Сейчас

я в гораздо большей степени человек по имени Андрей, который жил на севере, чем твой муж, кшатрий Рам.

– Меня почти не интересует земная жизнь, – задумчиво сказала Дурга, – и то, какие механизмы изобретут на земле в далеком будущем могли бы заинтересовать священнослужительницу Дургу, но не ее душу, лишенную тела. А впрочем, если я захочу увидеть, какие механизмы будут бегать по земле в далеком будущем, я всегда смогу это посмотреть, в посмертие преграды времени легко преодолеваются. Но думаю, что те миры, куда вскоре и я, и ты попадем, покажут нам вещи куда более удивительные, чем самодвижущиеся повозки и стальные птицы. А сейчас, Рам, мне кажется, что я расплатилась по земным счетам и должна идти куда-то дальше, в неведомое.

– Нет, ты еще не по всем счетам расплатилась! – Ворвался в их диалог новый голос, и Дурга с Рамом увидели неожиданно возникшую перед ними темнокожую (в астрале она осталась такой же) девушку с колом, торчащим прямо из груди. – Я погибла по твоей милости, Рам, в конце концов, только слабовольно попал под твое влияние и нарушил слово кшатрия. Он за это уже расплатился сполна при жизни, но ты со своей магией оказалась для меня недоступной. Теперь же мы на равных и я жажду оплаты по счетам! О, как я тебя ненавижу! Если бы только моя гибель и обманутый Рам, которого ты уничтожила, как только он стал несостоятелен, как мужчина! Все те годы, сколько я служила в храме, ты постоянно придиралась и издевалась надо мной!

– Ну и какой же ты хочешь оплаты? – презрительно усмехнулась Дурга, как видно не испытывая перед ней никакого страха. – Я бы с удовольствием рассчиталась с тобой золотом, – в ее руке тут же возник мешочек с чем-то весомым, – да вот, боюсь, астральное золото здесь не в ходу, а земное, как ты понимаешь, сюда не перенести. Могу тебя разочаровать: по счетам я и ты будем платить другим кредиторам, несравненно более могущественным, чем мы с тобой. А друг с друга нам здесь взять нечего, как бы мы этого ни хотели. Что же касается Рама, так он тебя никогда не любил, ты была лишь маленьким эпизодом в его жизни.

– Но это несправедливо! – крикнула Рати. – Какое мне дело до тех кредиторов, которым ты будешь платить по счетам! Я сама хочу это видеть! Я хочу видеть, как ты горишь в Аду, пусть даже я буду гореть в соседнем пламени!

– Боюсь, в соседнем не получится, – усмехнулась Дурга, – наши грехи различны и отрабатывать их мы должны по-разному.

– Но я ни в чем не грешна, я – жертва!

– Богам лучше знать, если бы ты была святой, то уже давно обитала бы в Раю. Наверное, не все так просто, мы все оказались завязаны в единый кармический узел, и хоть Рам и не убивал тебя, он все время винил себя в твоей смерти. Ты же так долго убеждала себя – уже после смерти, – что это он убил тебя, и не хотела ему простить, что Высшие Силы распорядились весьма неожиданным образом! Мы все поубивали друг друга в облике диких зверей и птиц. Правда, извини уж, по какому-то недоразумению ты вновь оказалась жертвой.

– Но это несправедливо!

– Зато ты развязала карму и сможешь уйти из земного пространства, в котором ты в качестве призрака измучила и себя и Рама. Спроси его сама, намного ли ты стала ему желанней после того, как мучила его столько при жизни, и хоть и не убила его сама, однако запустила цепочку событий, приведших его к гибели!

– Но я его не убивала!

– Он тоже не убивал тебя!

– Но его убила ты!

– После этого я убила себя, однако я бы никогда не пошла на это, если бы он не стал тем, чем стал благодаря тебе.

– Я все равно уничтожу тебя! – вскрикнула Рати, и вдруг вырвала из своей груди кол и обрушила его на голову Дурги, словно увесистую дубину. На лице Дурги отразилось недоумение, затем ее недоуменная гримаса разъехалась пополам, и кол рассек бывшую жрицу от макушки до земли, словно был каким-то сверхотточенным клинком, и держал его в руках могучий воин, а не хрупкая девушка.

Картина была впечатляющей, однако на Рама (будем для краткости называть его так) она не произвела особого впечатления, поскольку в астрале он проделывал подобные вещи многократно. Взять хотя бы его победоносное сражение с целым отрядом рыцарей, где он раскраивал их вместе с доспехами и вдоль, и поперек, и насквозь, поэтому он прекрасно знал, что через пять минут Дурга будет стоять перед ними цела и невредима и скорее всего ответит Рати чем-нибудь подобным. Если же принять во внимание ее магические возможности при физической жизни, можно было предположить, что для Рати этот поединок кончится плачевно. Поэтому видя торжество, вспыхнувшее в глазах Рати, Рам покачал головой и сказал:

– И это ты называешь мстью? Мсть была, когда орел задушил барса, правда и сам погиб, а это только астральные забавы, не пройдет и пяти минут, как она восстановится и устроит тебе взбучку, и ущерб от этой взбучки будет куда серьезней, чем можешь устроить ей ты. Ты что, за время пребывания в тонком мире ничего подобного не проделывала?

– Ну и что! – Рати яростно пнула одну из половинок Дурги, которая уже начала терять очерченность. – Зато у нас есть пять минут и эти пять минут никто не помешает нам быть вместе! Я так ждала этого все годы! А что будет потом, и что она со мной сделает не важно. Если боги милостивы ко мне, а я это заслужила, то они превратят пять минут в вечность, в загробном мире время может протекать по-разному.

Рати раскрыла объятия, астральные одежды сами собой испарились, и как мысленно отметил Рам, формы ее теперь стали гораздо более совершенными, чем при жизни. Рам отступил и вытянул руку вперед, желая остановить порыв своей давней мимолетной любовницы. Находясь в сознании Андрея, он сознавал, что пребывает здесь с какой-то важной, правда ему неведомой миссией, и тратить энергию на жалкий астральный секс, который не приносит ничего, кроме разочарования, не входило в его планы. А вдруг этой энергии как раз не хватит для успешного выполнения миссии! Он знал, что в его жизни все ситуации как правило стремятся развернуться по наихудшему варианту.

– Подожди, подожди, – произнес Рам (он, почему-то, испытывал жалость и боязнь обидеть это несчастное, заикленное на нем существо – оно ведь так настрадалось!), – пойми, здесь все это бессмысленно, неужели ты не знаешь, что секс в астрале не дает ничего того, что дает в жизни, это жалкая пародия, неужели, находясь здесь, ты этого еще не узнала. Надо, уж если ты умерла, настраивать себя на другие задачи, а секс здесь – одно лишь разочарование, все эти годы ты пребывала в иллюзии, думая, что если я умру, то в посмертии смогу дать тебе то, что не успел должной мере дать при жизни.

Но Рати уже не слушала его, очевидно, маниакальная идея владеть Рамом была ее посмертной отработкой и тем якорем, который привязывал ее к физическому плану, не давая уйти в более подходящие для посмертия сферы. Она впиалась губами в Рама и обвилась ужом вокруг его шельта, превращаясь всем своим существом в сплошную эрогенную зону.

«А может, – подумал Рам, – это у меня все так бледненько в астрале, может у одержимых, которые отрабатывают какую-либо страсть, в посмертии все гораздо серьезнее, может это развяжет ее кармический узел и она сможет покинуть физический план, тем более тело Рама уже умерло. Ну что ж, придется подарить ей астральный секс, хоть лично мне это нисколько не нужно».

Подумав так Рам преобразил свою форму подходящим образом, превратившись в сексуального гиганта, способного удовлетворить целый взвод страждущих женщин, хоть прекрасно сознавал, что форма здесь не имеет принципиального значения и главное – энергия. Ну что ж,

он подарит ей немного энергии, нельзя же думать только о себе. Забыв о раскроенной пополам Дурге, он занялся с Рати каким-то фантастическим сексом, чем-то наподобие секса двух цветков в анимационном виде изображенным Аланом Паркером в фильме «Стена». Находясь в непрерывном совокуплении, они превращались то в растения, то в животных, то снова в людей, то, возвращаясь к истокам – в двух амеб. При этом Рама все время был как бы сторонним наблюдателем, и если и не испытывал каких-то ярких сексуальных ощущений, то, по крайней мере развлекался причудливой сменой форм, все же в астрале он обычно не мог менять их так запросто и в таком разнообразии. Очевидно секс с Рати наделил его такой возможностью. С другой стороны он чувствовал, что у Рати все происходит несколько по-другому, гораздо серьезней, чем у него.

«Ну ладно, – подумал Андрей в шельте Рама, – пусть насладится если ей это так необходимо – если не я, то хоть кто-то...»

Неожиданно их причудливое действие в мгновение прекратилось – между ними полыхнуло розоватое пламя и их отбросило друг от друга на несколько метров. Рама удивленно оглянулся и увидел что справа и слева от него стоят две Дурги, причем одна розовая, другая – голубая и каждая держит в руке по изящному женскому мечу. Очевидно между лезвиями этих мечей и возникла та самая вспышка по типу вольтовой дуги, которая разбросала двух незадачливых любовников в разные стороны.

– Неплохо, – в унисон сказали обе Дурги (в отличие от двойников Андрея они двигались и говорили совершенно синхронно) с видом знатоков, правда с иронической улыбкой на лице, оценивающе глядя на разъединенных прелюбодеев. – Я даже не подозревала, – сказали они, обращаясь к Рати, – что ты столько тантрической энергии за это время накопишь! Подозреваю, что ты потихонечку воровала ее у Рама. С ним-то все ясно, он никогда серьезно к Тантре не относился, для него всегда это была лишь изысканная гимнастика, как в хатха йоге, ну и феномен Сомы его интересовал, за что он и поплатился в дальнейшем. Так что, – сказали Дурги, – обращаясь уже к Рама, – в астрале ты остался таким же гимнастом, каким был при жизни, хотя, отдадим тебе должное, гимнастом прекрасным и давал все необходимое, что от тебя требовалось. Недостаток же энергии я компенсировала другим способом, в Тантре предусмотрены подобные случаи. И все же, мой дорогой, десять лет занятий Тантрой не могли пройти бесследно, и хоть при жизни ты не очень преуспел в формировании новых сексуальных ощущений, ты получил на них право в посмертии. После того, как эта тупица врезала мне колом по макушке, я вдруг осознала смысл нашей последней встречи. Я должна проводить тебя в Дуггур, где ты сможешь обрести настоящие эротические ощущения, которые невозможны не только в ближнем астрале, но и в телесной жизни.

С этими словами обе Дурги подошли к Рама, который к этому времени обрел свой обычный астральный облик (воин в доспехах «чешуя» и странном шлеме, словно бы сделанным из перьев недавно погибшего беркута Гаруды) и положили ему руки на плечи с разных сторон.

– Ну что, дорогой, ты сопроводишь меня туда, откуда явилась одна из моих бессмертных частиц? – сливаясь в унисон прозвучали, словно один, два голоса.

– Не трогай его, сука! – наконец очухалась от энергетического удара Рати, – он мой, ты что, не видела этого?! Отправляйся в свой ад одна! С этими словами Рати вновь кинулась на обеих Дург, очевидно рассчитывая вцепиться в одну из них мертвой хваткой, поскольку кола под рукой не было. Но теперь обе Дурги были наготове, они разошлись на три-четыре шага, и когда Рати поравнялась с обеими и в нерешительности остановилась, решая, на которую из них кинуться, они сделали синхронный выпад мечами, в результате чего Рати оказалась насаженной на оба клинка словно на вертел.

– Ох и надоела же ты мне! – сказали синхронно Дурги, словно мать своей приставучей дочери. – Тут такой серьезный момент, а ты отвлекаешь по пустякам! Ну да ладно, своим упор-

ством ты заслужила это маленькое путешествие, думаю, Рам, как обычно не сможет отказать тебе в этом!

В этот момент Рам увидел, что с рук обеих Дург на их мечи перескочили язычки бегущего пламени – голубого и розового, пробежались по лезвиям и ударили с обеих сторон в конвульсивно дергающуюся Рати, и в следующее мгновение она начала быстро уменьшаться. Не прошло и минуты, как в пространстве между двумя мечами висело новорожденное дитя женского пола, напоминающее о Рати только темным цветом кожи.

– Зачем ты с ней так? – мягко упрекнул Рам обеих двойников, пока не понимая, что задумала Дурга. – Что нам теперь с этими младенцами делать? Не представляю, что делать с младенцами в посмертном мире, но бросать ее здесь как-то жестоко.

– Скоро ты все поймешь, – загадочно сказали Дурги. – Прислушайся к себе! Сейчас ты это сможешь. Разве ты не чувствуешь, как в твоей крови начинают шевелиться сотни, тысячи младенцев? И Рати и я – все мы твои младенцы, как и ты наше дитя, если на это посмотреть с другой точки сборки. Этот процесс недавно начал происходить с тобой и сейчас ты доходить до точки кипения.

Рам удивленно прислушался к себе – и действительно – все о чем только что говорили обе Дурги было правдой. Отдельные сценки-видения событий других жизней были лишь первые пузырьки перед кипением, теперь же котел глубинной природы Андрея (и Рама и Фауста и еще сотен и сотен имен) бешено закипел, и в этом кипящем котле личностей, времен, судеб, мыслей, поступков, подвигов и преступлений разбухало и выкристаллизовывалось нечто огромное, невыразимое, являвшее собой единство во множестве. Рам (или Андрей) уже не мог отнести себя к какой-то отдельной личности, его астральное тело начало расти словно воздушный шар, первое время сохраняя какие-то человекоподобные пропорции, затем на его коже (доспехи и одежды давно отпали, он был обнажен) стали выступать нечто вроде волдыриков.

Эти волдырики лопались и его взору представляли сильно уменьшенные копии младенцев – десятки, сотни младенцев, и каждый был частицей его, его неизмеримо долгой судьбы и неизмеримо древней души. Он мог в любое мгновение войти в сознания этих младенцев и узнать их путь, их судьбу, их горести и радости, и одновременно пребывать в каждой из них. Эти младенчики словно клетки человеческого организма составляли его астрально-ментальную природу, но если личность каждой клетки недоступна для человеческого сознания и осуществляет жизнедеятельность тела почти независимо от его воли и сознания, то теперь Андрей был внутри всех этих множеств сознаний, и в то же время являлся чем-то гораздо большим. Но несмотря на трансформу тела и сознания, Андрей продолжал наблюдать окружающее и увидел, что Рати-младенец плывет по воздуху в его сторону и, прилепившись к нему, становится одной из множеств «Я» -младенцев Андрея.

Еще через небольшой промежуток времени превратилась в младенца и голубая Дурга, последовав вслед за Рати и влившись в дружное сообщество Андреевых я. С ее же розовой половиной произошло нечто прямо противоположное – то же, что случилось с Андреем: тело ее начало увеличиваться в размерах, лишилось одежд, затем на этом теле возникли волдыри, которые вскоре превратились в малюсеньких младенцев, покрывших всю поверхность кожи и фактически составляя всю внешнюю оболочку.

Далее Андрей почувствовал, что из его существа вырывается какая-то сокровенная частица и устремляется в сторону Дурги, также становясь частицей ее природы.

«Вот что означает космический Пуруша, – подумал Андрей. – Никогда мне был не ясен этот образ, в частности, зачем он нужен, если существует Брахман! А вот, оказывается, что это такое. Только я считал, что Пуруша один, а их, оказывается, двое.

– Совершенно верно, два – мужской и женский Пуруши, – прозвучало в его сознании, – и хоть оба они означают два противоположных принципа, вечно влекомые друг к другу, тем

не менее каждый из них состоит из множества мужчин и женщин. В сумме же, тем не менее, загадочным образом получаются два противоположных космических пола.

Именно космических... теперь оба Пуруши немислимых размеров висели в беспредельном космосе и вокруг них закручивались спирали галактик. Андрей почувствовал непреодолимое желание к этой своей космической половине. Он был вселенский Адам-Кадамон, а она – его вечная супруга Лилит, но что-то мешало их соединению. Одновременно Андрей ощущал, что в его существо врывается какое-то новое я, гораздо более древнее, иное, чем все его прежние составляющие. Какое-то время множество его символических и ноуменальных, но все же человеческих я боролись с этим чужаком, когда вдруг одновременно у всех них произошло осознание: это никакой не чужак, это их более древний брат, фундамент, магистральный стержень. В этот момент Андрей перестал быть Адамом-Кадамоном и с интересом сконцентрировал суммы своих вниманий на этом новом Я, забыв о только что столь желанной ему космической Лилит. И как ответ на это суммарное внимание, по всей вселенной пронеслось гулким вихрем: «Я – Тор, прими эстафету, землянин!». И тут Андрей ощутил, что его космическое тело лопнуло и миллионы маленьких я разлетаются в разные стороны, во все уголки Шаданакара.

Одновременно он понял, что время немислимым образом обернулось вспять, но словно бы его обратный ток хлынул по другому руслу, не повторяя в обратном порядке судьбу Андрея. Это была другая, альтернативная судьба, и тем не менее его собственная, как ручеек, вливаясь в русло большой реки так же становится этой рекой и единым целым с сотнями других таких же ручейков. Итак, время хлынуло обратно и по тому, насколько этот поток был силен, Андрей понял, что путешествие будет очень дальним. Последнее, что он увидел, погружаясь в небытие, это женская ипостась Пуруши, призывно протянувшая к нему руки, словно бы сотканная из звездной пыли. Последнее, что он услышал, был отчаянный крик Дурги: «Куда ты, я же не этого хотела!»

ГЛАВА 2. Накануне Апокалипсиса

Тор сидел на самом краю высокой скалы и наблюдал, как большое багровое солнце медленно клонится к окоему стального неприветливого моря. Как каждый землянин, он знал, что видит закат в последний раз (в этом состоянии – а там, как знать), но ни страху, ни отчаянию не находилось места в его совершенной душе. Эти два чувства были незнакомы ему и не потому, что он какой-то особенный, он был... а впрочем, кем он был, Андрей, вернее его сознание, неожиданно ворвавшееся, словно маленький резвый ручеек в широкую неспешную реку, осознал не сразу. Причем этот могучий степенный поток древнего сознания ничуть не удивился, когда суетливое, растерянное самоощущение Андрея почувствовало, что его поглощает – тем не менее не уничтожая – чье-то гораздо более древнее и совершенное само и миро восприятие. И словно бы давая возможность ручейку Андрея освоиться в новом русле, это могучее сознание позволило ему рассмотреть то существо, частью которого он стал, и прежде чем осмотреться вокруг, Андрей понял, что он наконец-то находится в Энрофе, но совсем не в том теле, в котором он привык осознавать себя до сей поры.

Итак, будучи отпущенным (на предмет обозрения: матричное сознание прекрасно осознавало, что к нему подключился новый слушатель-зритель) для обзора и ознакомления, незримый Андрей увидел со стороны, в какой физической оболочке он только что оказался и к чьему сознанию подключился. Если бы в его мировосприятии не произошло изменения оценок и эмоциональных реакций на увиденное при внетелесных путешествиях, то Андрея бы немало удивило то, что он увидел – вернее тот, кого он увидел. А впрочем в астрале он встречал куда более причудливых существ – но это был не астрал. На краю высокой скалы, круто обрывающейся в серые волны беспокойного моря, сидел человек. Впрочем, правильнее было бы назвать его гуманоидом. И увидев эту неподвижную фигуру, облаченную в серебристый, плотно облегающий комбинезон, Андрей понял, что угодил то ли в будущее, то ли в немыслимую древность, то ли на другую планету. Первой его мыслью было то, что это гуманоид-инопланетянин из категории гигантов, о которых он читал еще в семидесятые в перепечатанной лекции одного из первых официальных советских УФОлогов Феликса Зигеля. Гуманоид был ростом не менее 4 метров – точнее было трудно сказать, поскольку гуманоид сидел, сложив ноги в хорошо известную Андрею позу лотоса. Но в следующий момент Андрей, как и в прежние свои путешествия соединенный с сознанием человека им наблюдаемого, уже точно знал: это не инопланетянин, прилетевший на Землю из какого-нибудь созвездия Сетки, о которой говорил Зигель, и не планета из этого созвездия, это землянин, представитель расы гигантов, предшествовавшей человеческой расе, житель погибшей в морских волнах Атлантиды. Как уже упоминалось, ростом человек этот был около 4 метров, кожа его имела красноватый оттенок, как у североамериканских индейцев, на лице и голове его отсутствовала какая-либо растительность и голый череп имел яйцеобразную форму. И еще Андрей заметил две особенности, которые немало его удивили. На шее человека было несколько слегка прикрытых кожными складками поперечных щелей, по поводу назначения которых у Андрея не возникло сомнений. Это были жабры, и наличие последних объясняло еще одну анатомическую особенность: ступни и кисти человека были очень широкими, а между пальцев Андрей обнаружил хорошо развитые перепонки. В довершение можно было отметить бочкообразную грудь, а глаза закрывала прозрачная пленка как у змеи, которая позволяла часами смотреть не мигая.

В этот момент Андрей почувствовал, что сознание этого существа вновь поглощает его маленькое я, словно оно дало возможность этому я рассмотреть себя снаружи, а затем вновь поглотило его отдельность и в дальнейшем Андрей ощущал себя кем-то совсем иным, а осознания самоидентификации накатывали волнами, во время которых он производил оценку со стороны.

Его звали Тор («вот откуда у меня был интерес к этому имени и к этому скандинавскому божеству!» – мелькнуло во вспыхнувшей отдельности Андрея). Он был атлантом, жрецом подводного храма Миаф и он пришел на эту скалу в последний раз полюбоваться земным закатом, поскольку завтра должно было произойти чрезвычайно важное событие... самое важное событие в бытности его цивилизации. В следующий момент Андрей вновь утратил свою отдельность (чего никогда не было в его прежних экскурсах в прошлое). К тому же впервые тот, за кем он наблюдал, прекрасно осознавал его присутствие и манипулировал им в зависимости от ситуации. Какое-то время наш герой наблюдал дальнейшие события глазами Тора, не ощущая себя каким-то там Андреем – и это было впервые в его богатом опыте астральных путешествий.

Итак Тор вернулся к своим неторопливым размышлениям, которые были прерваны внезапным появлением в поле его восприятия сознания заброшенного в прошлое Андрея, при этом атлант, словно из вежливости к вновь прибывшему гостю, стал знакомить его с тем миром, куда попала частица Андрея. Как мы уже упоминали, атлант по имени Тор, священнослужитель храма Миаф, сидел в позе лотоса на высокой скале, задумчиво глядя на заходящее солнце и думал о том, что возможно видит это все в последний раз.

При этом Андрей, периодически ощущавший проблески самоощущения долгое время не мог понять причину этой фатальности в его размышлениях, словно бы Тор почему-то не хотел сразу знакомить Андрея с тайниками своего сознания. Тревожные волны разбивались о скалу, и, насколько хватало глаз, этот скальный хребет тянулся вдоль побережья, круто обрываясь в беспокойное море. Позади атланта возвышались не очень высокие, но все же величественные горные хребты, напоминающие Кавказ, то тут, то там на обрывающихся в море скалах в отдалении возвышались неподвижно застывшие фигуры людей, словно целый небольшой поселок пришел сюда, чтобы попрощаться с уходящим солнцем, как будто они и вправду видят этот закат в последний раз. Но ни страха, ни отчаяния не было заметно в поведении этих огромных человекоподобных фигур, словно сама эта мысль не имела в себе ничего ужасного, а напротив, несла успокоение и созерцательное умиротворение.

В какое-то мгновение вновь получившее самостоятельность сознание Андрея вспыхнуло недоумением: где живут все эти люди – и тут же получило ответ: Тор немного повернул голову и в поле его зрения попала странная система сооружений, возвышающихся над поверхностью океана примерно в километре от берега. Андрей увидел несколько прозрачных куполов, но это, как транслировал Тор сознанию Андрея, только надводная часть, подводная же как в феномене айсберга была намного внушительней надводной и скрывала жилые помещения, коммуникации и всевозможные службы, в том числе и центральный храм Миаф, купол которого на поверхности заметно возвышался над другими куполами.

Помимо центрального храма Миаф и периферических сооружений – поменьше, из воды возвышались башенноподобные оконечности, похожие на минареты. Да и вообще, вся картина немного напоминала затопленный по купола грандиозный комплекс мечетей, только крыши были прозрачны и вместо полумесяцев, ориентированных на восток, купола венчали Анкхи – кресты Осириса с эллипсообразным кольцом сверху.

Андрей уже знал, что это подводный город, как и центральный храм, называется Миаф, что его обитатели – земноводные существа так же легко обитающие в воде, как и на суше, и в последнее время все больше предпочитающие прохладу глубин океана солнечному свету и теплу. На какое-то мгновение сознанию Андрея показалось, что он видел этот комплекс сооружений, причем также издали, сверху и в несколько другом ракурсе. Тут же он вспомнил, когда именно: в далеком будущем (или недалеком прошлом), во время купания в астральном море вечности, при первой встрече с Единственной. Но тот подводный город был полностью затоплен и не выступал над поверхностью воды даже самыми высокими своими сооружениями.

Тор продолжал смотреть на надводную часть города и Андрей понял, что он прощается и с ним тоже. Да, вокруг города было заметно что-то вроде морских полей и вода казалась

исчерчена канатами, как плавательный бассейн дорожками. Андрей тут же узнал, что это плантации ламинарии, которая используется атлантами в пищу, а так же для многих других нужд. Впрочем в их подробности Тор не стал вдаваться в своих экскурсионных воспоминаниях, дав понять сознанию Андрея, что все атланты испокон веков были вегетарианцами и не едят не только земных существ, но и рыбу. Оказалось, что даже в этом нет абсолютной необходимости и при должной подготовке тело можно питать как-то по-другому.

И снова мысли, что все это он видит в последний раз. Боже, но почему же?! как будто все эти люди-гиганты готовятся умереть, но это их ничуть не пугает, напротив – ожидание какого-то таинства и высшего приобщения... но к чему? Почему это так заманчиво? В следующий момент Андрей с удивлением понял, что люди этой цивилизации до сей поры никогда не умирали и некоторые из них (в том числе Тор) живут на земле столько же, сколько существует цивилизация атлантов. Существует же она не один десяток тысячелетий, а может и сотен тысяч лет – на самом деле никто не помнит, сколько точно, а все юбилейные даты – условны.

Правда не все атланты столь древни, большинство появилось позже и существуют всего несколько тысяч лет, таких же как Тор патриархов немного и все они являются священнослужителями храма Миаф. И еще Андрей знал, что последние несколько тысяч лет ни один новый атлант не появился на белом свете и что рождаются они совсем не так, как люди – это что-то сродни алхимическому процессу – правда подробности не раскрывались. Но тогда, почему же они готовятся умереть, пусть даже и радостно (вернее удовлетворенно) встречая смерть? Ведь это же раса бессмертных? И тут же ответом вспыхивает: ЗАВТРА КОНЕЦ СВЕТА. Цивилизация выполнила свое назначение и должна исполнить «Подношение» (какое подношение? Ничего не понятно).

А тем временем солнце уже почти село за горизонт и вокруг начало темнеть. На небе зажглись знакомые Андрею звезды... правда знакомых созвездий он не увидел, очевидно в те времена они имели другое расположение. Потом в небе вспыхнула падающая звезда и прочертила небосвод дымной полосой, словно сверхзвуковой истребитель, только несущийся в сотни раз быстрее, затем пролетел еще один, третий, десятый, вскоре Андрей прибывший к чувствам Атланта наблюдал необычное явление – самый настоящий метеоритный дождь. Все небо оказалось перечерчено дымными полосами (все в одном направлении) и этот дождь, перейдя в ливень все усиливался и усиливался – вот только намочить неподвижно сидящую фигуру Тора он не мог – в крайнем случае – испепелить, если бы какой-то из метеоров долетел до поверхности земли и угодил куда-то поблизости.

Вскоре к необычному астрономическому явлению присоединилось еще одно, и если бы Андрей когда-нибудь был на севере, то несомненно узнал бы в этом явлении северное сияние, хотя, судя по окружающей растительности и ощущению тепла – даже несмотря на вечер – широты эти были отнюдь не северные.

Итак, метеоритный дождь сопровождался удивительными разноцветными полотнами, словно бы плещущими над пронизывающими северными ветрами, а затем стало светать, несмотря на то, что от того времени, как село солнце не прошло и часа. Из-за гор (Тор непроизвольно повернулся, поскольку до этого смотрел на морской горизонт) начало всплывать светило, но это была не луна и, разумеется, не только что севшее солнце. Своими видимыми размерами оно явно уступало и тому и другому, а по свечению напоминало полную луну. Однако существенным отличием от привычных светил была форма этого небесного тела, и хоть оно тяготело к шарообразности, однако казалось выщербленным, подобно спутникам марса. В следующий момент Андрей понял, что это гигантский астероид, что он с огромной скоростью летит к земле и что после его столкновения с планетой, на земле погибнет все живое – или почти все – в том числе и все то, что считало себя бессмертным.

Первое время Андрей пытался себя утешить мыслью, что это какое-то обычное ночное светило, которое существовало на небе в незапамятные времена – что-то вроде второй луны,

которая в дальнейшем по какой-то причине погибла. Впрочем Тор тут же передал ему, что нет, это действительно огромный астероид, летящий к земле и все математические расчеты свидетельствуют о том, что завтра он врежется в поверхность земли – а вернее океана, что вызовет катаклизмы, неведомые прежде. Но это нормально, все так и должно быть, без этого невозможно Подношение, как логическое завершение существования цивилизации.

И опять Андрей не понял смысла этого «подношения». Он смотрел глазами Тора на необычное светило (зрелище приобрело особый эффект когда из-за горизонта показалась луна) и через некоторое время понял – это было особенно заметно при сравнении нового светила с луной, – что астероид медленно увеличивается в размерах. Значит расчеты не подвели, и эта штука и вправду собирается врезаться в землю, и если учесть, насколько быстро она набирает размеры, то, похоже, и вправду завтра наступит апокалипсис. Но почему тогда так спокойны эти люди и нет ни паники ни попыток куда-то скрыться, спрятаться, убежать, зарыться? Понятно, что все это абсолютно бесполезно – бежать некуда – разве что с планеты на космических кораблях (интересно, а есть ли они у атлантов?), тем не менее человек, над головой которого занесен топор, инстинктивно закрывается руками, а здесь ничего похожего, только торжественно застывшие вдоль скальной гряды фигуры, созерцающие приближение астероида-убийцы.

Но если им не жалко себя, то неужели не жалко своих жен, детей? Ах да, здесь же нет ни жен, ни детей, все взрослые, среднеполые и очень древние, и разница только лишь в количестве тысячелетий. И все же, пусть не жены, не дети, но неужели им не жалко своей столько тысячелетий существующей цивилизации? Этому Андрей не находил ответа, хоть и был подсоединен к сознанию Тора и уже становился частицей этого сознания. Например он стал припоминать то чего никогда не знал – отдельные факты биографии этой безумно длинной жизни, которая была заполнена не только внешними событиями – они оказались достаточно однообразны, похоже, атланты не были активными искателями приключений – но внутренними озарениями и постижениями, а так же колоссальным астрально-ментальным опытом. Как понял Андрей, этот человек (достаточно типичный для атлантов тип) большую часть своей невообразимо долгой жизни провел в созерцаниях, трансах и астральных путешествиях, а также путешествиях в более тонкие, чем астральный, миры, о которых Андрей имел представление только на основе своего однократного путешествия в мир «И».

Это была раса созерцателей, которая давно прошла этап преобразования мира и большую часть времени проводила в медитациях, подобно индийским риши. Да, ко всем этим особенностям бытия атлантов сознание Андрея было допущено, но основной вопрос, который его сейчас интересовал – тем более пребывая в теле Тора, он и сам как бы становился жертвой грядущего Апокалипсиса – так и не раскрывался.

Как знать, долго ли еще продолжалось это торжественное созерцание последней ночи, но тут Андрей вновь как бы слегка оторвался от сознания атланта и увидел его глазами любопытное явление: одна из падающих звезд вместо того, чтобы прочертить небо дымной полосой и исчезнуть, стала быстро увеличиваться в размерах и вскоре превратилась в белый туманный шар в ореоле слепящего света. Не прошло и нескольких минут, как ярко светящийся шар опустился рядом с Тором, причем на землю он сел совершенно бесшумно, и никакого жара не исходило от этого яркого объекта, на который обычный человек вряд ли смог бы смотреть прямым зрением, как на вольтову дугу, но глаза атланта, прикрытые защитной то ли естественной, то ли искусственной пленкой, не боялись столь яркого источника.

В следующий момент шар как-то удивительно схлопнулся внутрь, и на его месте оказалась величественная женщина в белых свободных одеждах до земли, с сияющей диадемой вокруг высокого, нечеловеческого лба. Ростом женщина была не ниже, чем атлант и каким-то интуитивным ощущением Андрей осознал, что образ ее условен, она может явиться в каком угодно облике и быть какого угодно роста. И еще через восприятие Тора Андрей отчетливо

осознавал, что эта женщина не атлант, не землянин, и не представитель какой-то иноземной цивилизации: она была живым свидетельством эпохи, когда боги спускались на землю к людям и вступали с ними в контакт. Эта женщина, если следовать теософской терминологии была одной из Дхьян-коганов или Липиков планетарного уровня.

Как ни странно, Тор не проявил никакого удивления по поводу появления удивительной гостьи, было ощущение, что он давно ее ждал, и, прервав свою торжественную медитацию, поднялся во весь свой огромный рост и склонился перед гостьей в почтительном поклоне. После того, как атлант поднялся, Андрей воочию убедился, что пол его определить затруднительно, хотя детали тела все же скрывал облегающий комбинезон из тускло поблескивающего, словно металл, материала. Наверное, самое подходящее определение этому существу было бы «гуманоидный земноводный андрогин». Если же говорить о втором участнике сцены, то формами тела и чертами лица это была прекрасная белокурая женщина без возраста, чуть светящаяся в полумраке. Имея доступ к сознанию Тора, Андрей знал, что в настоящий момент она бесплотна и может проходить через материальные объекты, но это не единственное ее субстанциональное свойство: при необходимости эта женщина (богиня?) могла уплотниться почти до человеческой материальности.

В следующий момент между этими странными существами древнего мира произошла беседа, но звуки не нарушили окружающего безмолвия: беседа оказалась телепатической, что, впрочем, не особенно удивило Андрея. Тут, в качестве разъяснения атлант отправил ему информационный посыл из которого Андрей понял, что атланты вообще не говорят или почти не говорят, как люди: наличие жабр затрудняло развитие речевого аппарата, поэтому основной способ общения был телепатическим.

– Приветствую тебя, пресветлая Навна, – мысленно произнес Тор (как в других подобных случаях, известных Андрею, как такового языка не было, была прямая передача образов и информации, но мы переведем ее в словесную форму). – Я был уверен, что в этот, самый важный и величественный для нашей цивилизации час ты найдешь время навестить своего старого ученика.

«Навна! – пронеслось в сознании Андрея, – вот, значит она какая! Если, конечно это не совпадение имен. Ну что ж, раз появилась Навна, значит я здесь не случайно, и значит эта история имеет отношение к моей истории».

– Скоро наступит великий миг, – тем временем продолжал атлант, – и сердце мое должно трепетать от предвкушения величайшего таинства, которое свершится, как трепещут сердца других атлантов. Но какая-то тучка сомнения не дает мне полностью погрузиться в священное созерцание. Меня не отпускает мысль, что я чего-то не доделал здесь, в этом несовершенном мире. Не знаю, откуда взялась подобная мысль, в создавшейся ситуации она – сама нелепость, и тем не менее, она является ко мне снова и снова. Но что мог не доделать я, проживший на этой земле множество тысячелетий, сознание которого достигло необходимого рубежа, за которым наступает Слияние и Подношение. Все мы, атланты, стоим перед ликом Великой Смерти, которой, в таком виде еще не видел ни один из представителей нашей цивилизации, за которой нас ждет Великая Трансформация...

– Приветствую и тебя, мой друг, – сказала женщина, слегка наклонив голову. – Вынуждена сообщить тебе весть, которая, возможно, прозвучит для тебя несколько неожиданно, и я не знаю, как ты к ней отнесешься: не все атланты призваны к подношению, как в свое время и не все ваши предшественники, лимурийцы были к нему призваны. Я знаю, что все представители атлантической цивилизации торжественно и умиротворенно ждут минуты, когда осуществится Великая Трансформация и Подношение, ведь этот скачек становится возможным только когда общество в целом завершит цикл и цветок Тенгри готов дать плод. Я знаю, какие надежды ты возлагаешь на этот момент, и кто, как не ты, мудрый Тор (при произнесении Навной этого имени, Андрей понял, что слово «Тор» означает «кольцевой вихрь») достоин этого,

но я вынуждена обратиться к тебе со смиренной просьбой о выполнении одной важной миссии. Ты знаешь, я не могу насильно заставить принять ее, принцип свободной воли не должен быть нарушен. И просьба эта – остаться на земле и продлить свое индивидуальное существование для выполнения великой миссии, о которой я сообщу тебе немного позже.

На малоэмоциональном, мимически бедном лице Тора, тем не менее, обозначилось искреннее удивление:

– Если бы я не знал, что Светлый луч ни при каких обстоятельствах не лжет и ни при каких обстоятельствах не бывает безумен, я бы воспринял твое предложение, как предложение безумца! Пусть бы даже я нашел способ сохранить свое тело в состоянии физической жизни, что в принципе невозможно после падения маленькой планеты на нашу Землю, и пусть моя душа жаждала бы сохранить свою вихревую индивидуальность, если у нее нет возможности стать лучом, подобно вам, Дхьян-коганам. Но ведь даже если допустить два этих немыслимых факта, то существует еще один неоспоримый факт: само приближение астероида вызвано Высшей необходимостью перехода. Интегральная сумма всех жизненных энергоинформационных пакетов, накопленная совместно всеми разумными жителями Земли, достигла критического уровня, за которым следует переход и Подношение с Растворением в Творце. Мы заканчиваем фазу индивидуального становления и готовы объединиться за чертой в Едином Сознании Абсолюта. И если допустить нелепую мысль, что я по какой-то причине хочу отказаться от этого высшего блага, то как может щепка, несомая могучим потоком к необъятному океану, воспротивиться этому потоку, поскольку она, видите ли, не желает вместе с остальными щепками очутиться в океанских водах? К тому же, как гласят священные писания, переход за черту и возвращение Домой с Подношением в виде энерго-информо-пакета возможно только всеми членами сообщества. Иначе поодиночке многие давно бы осуществили этот переход с помощью индивидуального Самадхи и прекратили это, всем уже надоевшее вековое однообразие земной жизни, в лоне которой нет уже ничего, что мы бы по множеству раз не видели и не слышали. К тому же все доступные нам внутренние и внешние астральные кольца и отражения мы досконально изучили и не видим смысла в дальнейшем множении этих бесчисленных циклов. Все стало скучно, однообразно и из жизни ушла творческая радость, присущая всем атлантам в прошлые времена. Именно поэтому мы ждем перемен и качественного скачка, и разве не вы, светлые божественные лучи, сообщили нам о подобном естественном ходе истории и о подобном всеобщем конце, за которым видится начало неведомого неуничтожимого бытия в родном доме из которого пришли все мы? Теперь же ты просишь о том, чтобы я осуществил неосуществимое? Ну что ж, если мы еще что-то не доделали на земле и в астрале (а у меня и вправду держится странное необъяснимое ощущение, что я чего-то не доделал), то остановите падение астероида, вы же боги, вы можете все, и объясните, что мы еще не доделали и почему не достойны великого исхода Домой. Иначе мне не понятна твоя просьба и предложение.

Навна медленно покачала головой:

– Речь не идет о приостановлении предначертанного, речь идет об индивидуальной просьбе к небольшой группе «совершенных» из храма Миаф, к числу которых относишься и ты, как старейший, а следовательно и более других запечатлевший в себе информацию перемен Атлантиды. Просьба богов относится именно к вам, нескольким десяткам, поскольку именно на вас проведение намерено возложить миссию преемственности. Разумная биологическая жизнь на Земле не должна угаснуть, но со временем должна принять другую форму существования, и передача эстафеты возложена на вас, совершенных.

– Но разве в священном писании не предрекается именно такое завершение естественного цикла Земли? Разве все существующие в нашем сообществе монады не накопили необходимую критическую массу-энергию заслуг и не подготовились к Подношению и Переходу? Разве не то же произошло на Марсе и Луне, и после того как марсиане и селениты осуществили

подношение и возвратились Домой – разве с их поверхности не исчезла биологическая жизнь и не осуществился тем самым естественный цикл бытия?

– По поводу Земли у Творца возникли иные планы, – сказала Навна.

– Но разве не вы, Лучи, составляли священное писание?

– Мы тоже не знаем всех планов Творца. В матрицу-майю существования материальной и энергетической вселенных постоянно вносятся коррективы. Ничего навечно утвержденного в этом мире не существует, и истина, справедливая для прежних эонов в настоящем перестает являться таковой. Мы, Лучи, не абсолютны в своем всеведении, в том числе и в том, что Высшие провиденциальные планы в отношении Земли претерпели изменения. В отношении Земли по сравнению с Марсом и Луной уже были внесены определенные коррективы, и если там и там цикл развития смогла завершить одна цивилизация, то на Земле вы, атланты явились приемниками лимурийцев через много тысячелетий после их исчезновения. (Я перечисляю лишь цивилизации «телесные» и не касаюсь «светом рожденных» и «потом рожденных», не имевших физического тела). Теперь я раскрою тебе некоторые нюансы, о которых не говорится в Священном писании. Как ты знаешь сам, не все представители вашей атлантической цивилизации достигли одинакового совершенства. Не кажется ли тебе странным то, что большинству не достигших, подобно тебе, духовного совершенства уготованы Переход и Подношение? Ведь если человек не совершенен в своей форме и не достиг пика ее развития, значит, он не закончил свой цикл и не готов к Переходу. Так почему же ты думаешь, что их ждет возвращение Домой и слияние с Единым?

– Да, но цивилизация в целом закончила цикл и тому есть свидетельства, перечисленные в Священном писании – я не буду повторять хорошо известные вещи. Я думал, что мелкие недоработки зачтутся, и мы, небольшая группа Совершенных, сможем каким-то образом компенсировать недочеты, и совместными усилиями перетащим их души через Границу, вместе представ перед Творцом с Подношением!

– К сожалению этого не произойдет, – развела руками Навна, – только вы, Совершенные, способны преодолеть Порог, остальные же интегрально составят необходимый энергетический потенциал и явятся тем трамплином, с которого вы, Совершенные, сможете совершить скачек, переход к Слиянию... но с ними этого не произойдет. После перехода к Слиянию небольшой группы Совершенных, большинство останется перед порогом Вечности и вскоре вернется к обычному состоянию энергетических вихрей разной степени совершенства, рассеявшись в разных областях астрала. Но физических тел у них уже не будет. Как ты знаешь, и селениты и марсиане оставили тяжкое наследство, и многие монады, облаченные шельтом, сменили его на каррох, в дальнейшем пополнив демонические воинства своих местных князей тьмы. Откуда бы возникло подобное разделение, если бы вся цивилизация достигла совершенства и в полном составе перешла через черту с Подношением?

– Но ведь их цивилизации изначально были разделены на два противоположных лагеря и после осуществления планетарного катаклизма одни отправились к Творцу, другие к его антиподу.

– В действительности четкого разделения не было никогда, существовала масса переходных форм и души, лишенные тел, продолжали свое развитие, правда иное, чем в Энрофе. В дальнейшем многие из них попадали под влияние темных и оказывались в их рядах. Теперь я открою тебе еще одну истину: большая часть душ твоих соплеменников, не достигших совершенства и оставшихся в состоянии вихря, после Апокалипсиса не найдут в себе потенциала для дальнейшего совершенствования в астрале. Таким образом, затормозится великий принцип вселенского бытия, что «весь мир от былинки до Творца перейдет». Этим монадам снова нужны будут биологические тела для дальнейшего совершенствования и тела эти, возможно, смогут использовать монады и из других систем. Таким образом, после гибели Атлантиды возникнет новая цивилизация, но принципиально другого типа – не вяло развивающееся обще-

ство бессмертных, – для бурного развития монад необходимо будет огромное количество биологических тел, в миллионы раз больше, чем в вашей Атлантической цивилизации. Души станут часто менять тела, тела будут временны и смертны и к тому же получают возможность бурного воспроизводства. Для этого род новой цивилизации разделится на два пола – мужской и женский с возможностью легкого воссоздания новой особи после их соединения и зачатия – то есть так же, как у животных.

– Но разве это не атавизм? Я всегда считал, что способ существования животных с их разделением на два пола, зачатием, рождением и недолгой жизнью биологического тела есть давно преодоленная нами, людьми эволюционная ступень!

– И тем не менее, для ускоренного развития монад и для последующего уже полномасштабного Перехода и Слияния необходим возврат именно к такому, животному способу телесного существования. Это не означает, что и душа станет «животной» (хотя на первых порах определенный откат возможен) – душа останется человеческой, но тела будут часто сменяться, срок жизни тела укоротится до 70—90 лет. Таким образом начнет осуществляться быстрое массовое обучение монад в условиях физического мира с иллюзией прямолинейности пространства и времени. Ваша цивилизация оказалась очень не рациональной и за сотни тысяч лет ее существования в человеческом облике смогло пройти всего несколько тысяч монад. Теперь же счет пойдет на миллиарды!

– Значит, – медленно произнес атлант, – Подношение не состоится?

– Оно состоится для немногих, и из них некоторым придется отказаться от него добровольно, если они хотят помочь своим менее совершенным собратьям и уберечь их от подпадания под власть Гагтунгра.

– Но ведь князь тьмы хорошо изолирован в зоне плотных магм и не имеет влияния на нашу цивилизацию! В нашем обществе, в отличие от лунного и марсианского, нет разделения на адептов темных и светлых сил, мы все служим Свету!

– Этим ваша цивилизация выгодно отличается от лунной и марсианской. Да, здесь демон Гагтунгр не имеет выхода в земное, физическое пространство, в астрале же, особенно вблизи пограничных колец, влияние его достаточно ощутимо. Многие неокрепшие души после того как потеряют физические тела имеют большую опасность подпасть под его тлетворное влияние и в конечном счете сменить свой светлый шельт на темный каррох.

– Зачем же тогда вообще уничтожать наши биологические тела, если возникает риск оказаться в услужении Гагтунгру? – Тяжело посмотрел Тор на Навну.

– Вы остановились в развитии и ваше совершенство иллюзорно, – грустно сказала Навна, тем не менее не отводя глаз. Циклы должны сменяться быстро и развитие должно быть бурным, иначе несметное количество монад не имеет возможности осуществить необходимое обучение в условиях физического пространства-времени. Ваша эволюционная ветвь оказалась тупиковой и ее должно сменить новое, бурно растущее дерево: идея биологического бессмертия и алхимического воспроизводства оказалось ошибочной...

– Значит снова возврат к животному естественному отбору, борьбе за выживание, взаимопожирание, как у волков и тигров?

– Мы постараемся уберечь от этого грядущее человечество, хотя, разумеется, риск есть. Но в том, чтобы этого не произошло и твоя задача, если ты согласишься на мою смиренную просьбу.

– Я готов ради сострадания к моим соплеменникам пойти на любые жертвы, но ведь сама знаешь, в моей душе сожжены все причинные семена существования и после разрушения тела я непременно сольюсь с Абсолютом Всевышнего. Это произойдет даже в том невероятном случае, если мое физическое тело уцелеет: с момента наступления времени Ч тело мое станет просто биологическим объектом. И потом, объясни мне все же мою задачу. Да, я даю свое согласие на твое предложение, но ни цели, ни средства, ни механизмы мне до сих пор не ясны.

Для чего нужно оставаться в биологическом состоянии горстке Совершенных, чтобы породить новую цивилизацию? Разве вы, лучи-липки не способны на это? Разве не вы создали лимурийцев, а затем нас, атлантов?

– Планетарный Логос создал «светом рожденных», затем на протяжении десятков миллионов лет они трансформировались в более загустевших «потом рожденных», на формирование же биологических тел первых лимурийцев снова ушли миллионы лет. В настоящее время мировая карма сгустилась многократно, и требуется быстрое воспроизведение биологических тел новой расы. Мы, лучи, не имеющие в своей природе биологической материальности не имеем полномочий биологических материализаций в мире прямолинейного пространства-времени. Но такие полномочия есть у вас, атлантов, имеющих физические тела. Задача вас, оставшихся после Апокалипсиса, когда возникнут соответствующие условия, осуществить знакомый вам алхимический процесс, с помощью которого вы осуществляли хоть и чрезвычайно медленный, но все же прирост вашей популяции. Пусть на этой уйдет триста лет, но все же не миллионы. Вы создадите первую биологическую пару – остальное будет представлено им самим. Энергоинформационное обеспечение этого материального процесса таким образом, чтобы необходимые события для формирования новой цивилизации складывались в нужном русле, осуществится, как и прежде, за счет разворачивания матрицы – Цветка Тенгри. Этот цветок станет дочерним от причинной матрицы вашей цивилизации, которая после наступающего Апокалипсиса вынуждена будет свернуться и перейти в пассивное состояние. Тем не менее в нем останется потенция к новому возврату, если в возрождении биологической цивилизации атлантов возникнет необходимость. Это пока не ясно, провиденциальные силы молчат на этот счет. Таким образом горстка оставшихся станут хранителями двух матриц – будущей, в ближайшее время активированной матрицы грядущей цивилизации, и нынешней, в ближайшее время дезактивированной, несущей семя вашей, уходящей цивилизации.

– Задача мне более-менее ясна, – задумчиво сказал Тор, не ясно только каким образом уберечь материальное тело от разрушения в пламени и цунами близящегося катаклизма, не ясно, как удержать подготовленную душу от желанного слияния. К тому же я никогда не прикасался к штурвалу матрицы, ведь до недавнего времени, насколько я знаю, вы, лучи, владели этим штурвалом?

– Мы владели им весь период существования цивилизации лимурийцев, затем передали его в руки Совершенных представителей их цивилизации, в настоящее время замурованных в глубоких скальных нишах, после того, как их соплеменников постигла та же участь, которая завтра ожидает твоих. Именно они осуществили акт преемственности и создали первых атлантов-гомункулов в алхимическом атанере. Затем штурвал новой матрицы был вновь возвращен нам. Теперь настал ваш черед принять эстафету. Что же касается вопроса, каким образом удержать душу, в природе которой уничтожены причинные семена для грядущего существования от Слияния с Абсолютом после наступления времени Ч – то об этом позаботится такое твое качество, как сострадание: именно Совершенных с качеством сострадания мы и выбрали для известной тебе задачи.

Ну что ж, – решительно сказал Тор, – если идея совместного Перехода и Подношения оказалась несостоятельной и справедливой только лишь для кучки Совершенных, мой долг сделать все, чтобы души моих менее совершенных братьев не оказались навечно в промежуточном состоянии. Тем более не скатились до противоестественного, очутившись среди горячих и твердых магм, подвластных Гагтунгру – хотя в это мне так трудно поверить!

– Увы, – склонила голову Навна, – открою тебе печальную истину: немало душ лимурийцев долгое время остававшихся в астрале, после первого Апокалипсиса и не захотевших продлить свое существование в лоне Атлантической цивилизации, теперь пополнили воинство Гагтунгра, и спасение большинства из них весьма проблематично: великий лицемер опутал

их ложью с ног до головы. Одна из немногих альтернатив дальнейшему скатыванию – новая и бурно развивающаяся цивилизация.

– Много ли Совершенных удостоилось этой просьбы? – спросил Тор.

– Вначале планировалось обратиться к пятерым, по числу грядущих подрас, наиболее сострадательным атлантам, но в дальнейшем было решено значительно расширить число Избранных – на случай неудачи первых пятерых. В настоящее время другие лучи ведут беседу с остальными сострадательными Совершенными из храма Миаф. Каждый из вас станет действовать независимо, и рассеяны вы будете по главным активным точкам Земли, откуда и начнется возрождение новой расы. Правда подрасы должны возникать не одновременно и не потому, что одна полностью сменит другую: по достижении пика могущества одной в качестве конкурента ей будет предоставлена другая. Таким образом, удастся избежать застоя почивающего на лаврах. На тебя ляжет миссия по воссозданию и пестованию белой Арийской подрасы. Первыми людьми ее станут светловолосые, белокожие Адам и Ева. Но до этого на земле появятся желтая, красная и черная пары. Все необходимые ингредиенты для алхимического процесса, к которому атланты не прибегали уже тысячелетие, зная о грядущем Апокалипсисе, уже перенесены из храма Миаф в место, куда тебе вскоре предстоит отправиться. Ты в совершенстве знаешь таинство материализации, а о том, чтобы новый человек не стал копией атлантов, позаботится матрица новой цивилизации – цветок Тенгри. Он в настоящее время уже адаптирован к иллюзии земного пространства-времени и локализован в этом пространстве в той самой активной точке земли, куда тебе надлежит отправиться.

– Но каким образом я могу куда-то отправиться, если времени на физическое передвижение осталось всего несколько часов?

– О, не беспокойся, в моих полномочиях воспользоваться каналом нуль-транспортировки, и ты перенесешься по нему в своем физическом теле в одно мгновение. Место, куда тебе предстоит перенестись, находится вдали от морского побережья и поэтому там никогда не селились атланты, оно основательно удалено от точки, куда, по расчетам, должен ударить астероид, поэтому его воздействие там окажется минимальным. Там, в глубине горного массива локализован штурвал Цветка Тенгри, с помощью которого можно произвольно управлять матрицей – ну а сам цветок можно развернуть в непосредственной близости от штурвала. Кто-то из Совершенных отправится в другое отдаленное от океана горное место, кто-то, возможно, окажется поблизости с тобой – их обустройством сейчас занимаются другие демиурги. Поблизости от того места, куда тебе предстоит перенестись будет свернута и локализована матрица цивилизации Атлантов – цветок Умай и ее штурвал. Разумеется, в момент гибели вашей цивилизации матрица дезактивируется.

– А каким образом мне удастся добраться до локализованного штурвала, и каким образом горы смогут уберечь хрупкие биологические тела от разрушения.

– Для этого тебе придется проникнуть в толщу скалы, в естественную полость, где локализован штурвал цветка Тенгри. Но полость эта герметична, только таким образом можно уберечь биологическое тело от уничтожения катаклизмом: каверна эта не имеет ни входа, ни выхода.

– Но как я туда целиком попаду?! Ведь через камень можно проникнуть только в астральном теле!

– Мне даны полномочия определенным образом трансформировать твою физическую плоть. После этой инициации ты сможешь по желанию расплывать свое физическое тело на материальные элементы, проникать в астральном теле в необходимое тебе место – хоть в толщу скалы, а затем вновь собирать плотное тело из элементов в нужном месте. После того как ты проникнешь в каверну со штурвалом новой матрицы, тебе предстоит погрузиться в продолжительное Сомати – возможно это будут столетия, возможно – тысячелетия – в этом случае твое физическое тело войдет в анабиоз и не подвергнется естественному разрушению

после того как шельт покинет биологическое тело. Когда последствия катастрофы улягутся, океан войдет в прежнее русло, а радиация вернется к норме, ты сможешь выйти из Сомати. Описанным мною путем ты сможешь выбраться из скалы и в определенные сроки – твой штурвал, связанный с остальными штурвалами рас даст тебе сигнал, когда время подойдет – ты запустишь алхимический процесс. Через триста лет на Земле возникнет первая пара Ариев – представителей белой подрасы пятой расы людей. К тому времени красные, черные и желтые народы прочно обоснуются на земле. О том, чем тебе предстоит заняться после великого акта творения будет ясно из общей ситуации, которая сложится к тому времени.

– Ты сказала, что после того, как я в физическом теле проникну в полость в скале, я должен буду погрузиться в Сомати. Тут твой выбор правилен, только мы, Совершенные, способны входить в Сомати на годы и даже века. Но ты не объяснила, каким образом я смогу после выхода в астрал, остаться вблизи Энрофа и избежать Слияния, мне кажется, твой тезис по поводу сострадания звучит неубедительно, вряд ли это сможет затормозить естественный духовный процесс. И в случае физического разрушения и в случае погружения в Сомати, дух мой перейдет за черту и сольется с бескрайним духом Творца. К этому я готовил его последние тысячелетия, для этого я сформировал необходимый энерго-информо-пакет, и знание того, что это обязательно произойдет, является для меня истиной. Я не в силах помешать этому естественному процессу, как шар, надутый воздухом, не в силах утонуть, даже если этого захочет. Ты сама понимаешь, до нашего разговора с тобой сама мысль отказаться от того что является высшим благом, вряд ли могла возникнуть в моем сознании.

– Я прекрасно осознаю, что для Совершенного следующим шагом бытия является слияние. Это должно произойти неизбежно... вернее почти неизбежно, и чтобы это «почти» осуществилось, тот самый шар, заполненный воздухом придется утяжелить – подвесить к нему груз, который способен утянуть его под воду. Так же и тебе придется принять на себя груз несовершенства, чтобы не воспарить в область Мировой Сальватерры и остаться в средних областях астрала, граничащих с Энрофом, недалеко от своего физического тела, погруженное в трансовый анабиоз Сомати.

– Но каким образом это возможно, я ничего не знаю об обратном процессе!

– Для этого тебе, находясь в астрале, придется нырнуть в демоническую сакуаллу Дуггур и вобрать в себя крупницу демонической энергии – семя Эйцехоре. К сожалению другого, благостного пути, который был для тебя единственным в процессе самосовершенствования не существует. Говоря о сострадании, я имела в виду то, что ради мирового блага ты готов пойти на любую жертву.

– Но как это возможно в принципе? – вскричал Тор. – По всеобщему закону соответствия и резонанса я не могу спуститься в дьявольские шрастры, давно не имеющие власти в Энрофе. Другое дело – несовершенные...

– Для того, чтобы приобрести необходимые тяжелые частоты, благодаря которым у тебя появится возможность нырнуть в жерло Дуггура, тебе придется соединиться с личностным стержнем своего будущего, где монада имеет видимость множественности: так и Единый при сотворении мира погрузился во множественность. Объединившись с этим стержнем тебе предстоит прыгнуть по временной петле в будущее, в определенный кармически критический для твоей монады момент, где ты получишь необходимые для спуска в Дуггур частоты. До сей поры монады никогда не облачались во множественные шельты для формирования личностного стержня, единого во множестве. Ваши астральные тела были одинокими путниками. Впредь формирование личностной структуры сильно усложняется, возникает помимо сознания – подсознание, архетип и связанные с ним двойники-отражения.

– И как же я смогу нырнуть в петлю будущего?

– Ты чувствуешь чужое сознание внутри себя?

– Разумеется, я знакомлю его через свое восприятие с тем участком Энрофа, который видят мои глаза и с теми моими мыслями, в которые я считаю возможным его посвятить.

– И как ты думаешь, кто это?

– Какая-то астральная сущность... очевидно энергетический вихрь, не имеющий биологического тела, желающий познакомиться с Энрофом. Я не идентифицировал его подробно, знаю только, что у него нет физического тела.

– У него есть физическое тело и находится оно в далеком отражении, в будущем Энрофа. Потому-то ты и не смог его идентифицировать. И это не просто какая-то сущность, это частица твоего личностного стержня из будущей эпохи, и по сути дела является иным твоим я, но отделенным определенным механизмом от твоего самосознания. Именно с помощью него ты сможешь нырнуть в петлю времени, для этого у него в наличие все необходимые резонансы и информопакеты. Там в критической кармической точке твое самосознание сольется с его самосознанием, как бы облачится в его шельт. А дальше ты, будучи им, погрузишься в недра Дуггура: он – ты в будущем – находится в той фазе существования, когда сложились определенные условия для погружения в Дуггур. Этими условиями ты и воспользуешься. Дальнейшие детали мне неведомы, но по выходу из Дуггура твоя природа изменится, благодаря семени Эйцехоре и ты вновь вернешься в настоящее.

«Господи, – вновь почувствовал свою «отдельность» Андрей, – да ведь это обо мне речь! Это я должен шельт этого атланта в недавно пережитую мною ситуацию перенести! Выходит, что я с ним – единое целое... во множестве, правда. Значит он, слившись со мной, в Дуггур должен направиться? Правда, что это за Дуггур, Дурга так и не успела мне объяснить, хотя название, кажется, знакомое.

– Поэтому, – продолжала свои наставления Навна, – в нужное время, когда – я укажу – твое сознание зацепится за его сознание таким же образом, как его сейчас цепляется за твое, и ты в едином с ним личностном стержне перенесешься в нужную точку петли. В этой временной точке баланс между добром и злом и кармические условия будут таковыми, что ты сможешь спуститься в Дуггур. Как сложатся обстоятельства и какие приключения тебе придется пережить там, мне неведомо, эта сакуалла и временная точка скрыты от меня, но оттуда ты должен будешь вынырнуть утяжеленным семенем Эйцехоре, что делает возможным выполнение твоей дальнейшей миссии. Обрато в наше настоящее и к твоему биологическому телу ты сможешь вернуться по маячку, который останется здесь – ты постоянно пользовался этим приемом во время своих прежних астральных путешествий.

– Ну что ж, – усмехнулся Тор, – принципиальный механизм мне ясен, хотя детали по-прежнему остаются туманными. Кстати, – добавил он, подумав, в какое место Гондваны ты намерена меня перенести? Очевидно туда, где не ступала нога атланта уже многие тысячелетия, поскольку ты сама говорила, что это место находится вдали от побережья, где мы все атланты селимся, а дальние путешествия в биологическом теле мы уже давно прекратили.

– Могу показать тебе место, куда нам предстоит отправиться в ближайшие минуты, – сказала Навна. Она свела ладони, закрыла глаза, затем медленно стала разводить руки в стороны. По мере увеличения расстояния, пространство между ладонями начало опалесцировать и словно бы сгущаться. Вскоре это был уже небольшой дымный шарик, который начал быстро расти и загустевать, все больше и больше напоминая картину земного шара, наблюдаемую из дальнего космоса. Наконец шар достиг диаметром роста Тора и на нем стали видны детали ландшафта, правда кое-где видимость перекрывала сильная облачность. И тут Андрей, глядя глазами Тора, понял, что вся земля того времени была объединена в один материк. Навна опустила руки и отступила от своего детища, неподвижно висящего в нескольких сантиметрах от земли, затем сильно дунула в зону наибольшей облачности, отчего часть облаков переместилось в другое полушарие, очевидно излившись на землю бурными ливнями. Единственный огромный материк, занимающий чуть менее половины полушария стал виден полно-

стью. Андрей, глядящий глазами Тора понял, что если объединить все существовавшие в его время материка в единый, то получится как раз то, что он увидел на этом необычном глобусе. Навна поднесла ладони примерно к центру этого объединенного материка («Вот она какая была Гондвана», – подумал Андрей, вновь оказавшийся в персонализированном восприятии), между ее ладонями возникло что-то вроде увеличенного стекла, отчего местность над которой зависли ее руки, словно бы выделилась из окружающего, стала рельефной и продолжала расти.

«Господи, – подумал Андрей, – да ведь это же то место, которое соответствует современному Алтаю, примерно в этом месте мы путешествовали! Что бы это значило, уж не о том ли штурвале мне Мескалиныч говорил, и не ту ли самую пещеру с застывшими великанами я в своих видениях на той самой скале наблюдал? Неужели и то и это – одна и та же мистерия! Правда местность хоть географически соответствует, но по ландшафту отличается: предгорье то же, но какая-то система очень больших незнакомых озер, как в Северной Америке. На Алтае из крупных только Телецкое и Оя, а эти гораздо крупнее и их семь штук. А впрочем, чего удивляться, тут материка разъехались с того времени, мало ли всяких разных озер образовалось и пересохло».

– Эта местность, – сказала Навна, словно бы не замечая мыслей отделившегося сознания Андрея, – на универсальном языке синклита называется Беловодье. Отсюда начнет свой путь четвертая подраза новой расы смертных, которую мы именуем Ариями, остальные подрасы возникнут здесь, здесь и здесь, – указала она на точки в разных местах Гондваны, которые в случае грядущего расползания материков соответствовали примерно центральной Африке, Северной Америке и азиатским Гималаям.

– Итак, – сказала Навна, – твоя подопечная подраза должна быть завершающей.

– Ты так говоришь, – сказал Тор задумчиво, глядя как увеличивается на глобусе то место, куда ему предстояло отправиться через несколько минут, – словно все уже произошло...

– А все уже произошло, – улыбнулась Навна. – Тебе ли, древнейшему астральному путешественнику атлантов не знать, что время и пространство – это иллюзии Энрофа, и из энергоинформационных колец все это видится совсем по-иному, а значит и категории «произошло» – «не произошло» из дальних сакуалл воспринимаются по-иному. Ладно, земное время идет, а нам уже пора нырять в телепортационный канал, чтобы перенестись в область Беловодья к Белой скале, внутри которой локализован в пространстве штурвал цветка Тенгри.

– Послушай, – сказал Тор, – я бы хотел все же проститься с близкими, самыми дорогими друзьями, с кем-нибудь из храма... хотя, как ты понимаешь, я знаком с каждым атлантом и каждый мне по-своему дорог. К тому же я бы хотел в последний раз заглянуть в мой храм...

– Увы, развела руками Навна, – времени на это нет совершенно, скачок через тоннель нуль-транспортировки необходимо сделать в ближайшие минуты, иначе ткань земного пространства претерпит определенные изменения, связанные с гравитацией астероида, и канал может выбросить нас совсем не туда, куда намечено. В этом случае добираться до места придется обычным способом, а времени на это совсем не осталось. Прости, что я не навестила тебя раньше, но я думала, ты уже попрощался со всеми и всем, что тебе здесь дорого.

– К сожалению я, как всегда, все оставил на последний момент. Когда живешь многие тысячи лет, то привыкаешь, что времени у тебя целая вечность и никогда ничто сделать не поздно. Сама понимаешь, сознание того, что все земное для тебя скоро закончится весьма непривычно для бессмертного.

– Я думаю, – улыбнулась Навна, – ты еще будешь иметь шанс встретить кого-то из своих соплеменников и даже близких друзей лет эдак... через тысячу, а то и больше. Точные сроки указать сложно. Как сложатся обстоятельства после Апокалипсиса и когда на Земле снова возникнут благоприятные условия для жизни никто не знает, сейчас мы видим лишь магистральные вехи истории, а частности скрыты от нашего взора. Абсолютно все известно лишь Все-

вышнему. А теперь, – Навна на мгновение застыла, словно к чему-то прислушиваясь, – время настало, пора нырять в тоннель...

Она сблизила ладони над тем местом глобуса, которое Андрей идентифицировал, как Алтай, а Навна назвала Беловодьем, над этим местом возникло что-то вроде помутнения, которое начало вращаться так, что в центре образовалась черная дыра.

«Черная дыра, – пронеслось в сознание Андрея, – сейчас они туда отправятся, а я куда?»

Но сомневался он напрасно. После того как фигура Навны превратилась в туманную дымку и ее затянуло в эту черную дыру над миниатюрным Алтаем, дыра вдруг резко увеличилась, заслонив собой удивительный глобус, и словно бы надвинулась на застывшего в ожидании Тора. В следующее мгновение она поглотила его, вместе с сознанием, к которому чудесным образом было прикреплено и сознание Андрея. Последнее, что он успел увидеть глазами Тора, это огромное светило, по размерам и яркости в пару раз превышающее Луну, а в ауре его появились зловещие красные тона: за время беседы Тора с Навной астероид увеличился раза в три.

«Почему он покраснел? – успел подумать Андрей. – Он что, уже верхних слоев атмосферы коснулся? Но ведь тогда он в Землю врежется в ближайшее время, возможно меньше часа осталось! Что же они (или все же мы?) за это время сделать успеют?» – Это были последние мысли Андрея на древнем атлантическом побережье, после чего сознание его вместе с сознанием Тора погрузилось во тьму.

Когда они вынырнули из темного тоннеля забытья, Андрей не почувствовал той обычной оглушенности и непонимания – как он здесь очутился – которые у него обычно возникали после возвращения в биологическое тело. На этот раз он сразу осознал себя в теле атланта Тора, каким-то образом подсоединенным к его личному сознанию, и эта раздвоенность его ничуть не удивляла. Они стояли на плато огромной скалы со срезанной вершиной, в этих широтах еще был день, и, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя тайга, подступающая к скалам, а к юго-востоку горы становились все выше и величественней. У самого горизонта они блестели заснеженными вершинами, чем-то напоминающими кучевые облака, стелящиеся где-то там, где сходятся небо с землей. Внизу шумела бурная горная река, пробивающаяся между массивными плитами двойной скальной гряды, очень напоминавшая Перекшу, около которой произошли те удивительные события, в результате которых Андрей оказался в нынешнем положении. Он сам не мог понять, где он: толи на земле, толи на небе, толи в будущем, толи в прошлом, да еще подключенным к сознанию могущественного существа запросто разговаривающего с богами, которых он именовал лучами. Весь ландшафт, который их окружал, чрезвычайно напоминал горные хребты с того самого ракурса, с которого их наблюдали Андрей и Галя, сидя на широком плато. Теперь Андрею отчасти стало ясно, откуда возникли в этих краях неведомые телепортационные тоннели: их создали богоподобные существа, которых атлант Тор называл лучами, возможно даже сама Навна. Да, места были очень похожи, но мало ли схожих мест в горной местности и тайге! Ручаться было нельзя, даже если эти края соответствовали современному горному Алтаю: мало ли в каком конкретном месте они могли оказаться. Присмотревшись внимательней, Андрей заметил что вдали, справа и слева, ближе к высокогорью каким-то неестественно белым светом поблескивали воды озер, а Андрей точно помнил, что никаких озер поблизости не было ни на карте, ни при обзоре. С другой стороны, озера могли исчезнуть. Бог знает в какой древности он сейчас находился, да и навряд ли сам факт того, что он здесь очутился, можно назвать случайностью. Все это наверняка связано единой цепочкой с загадочными событиями его таежного путешествия, а значит и с этим конкретным местом. Ведь именно здесь они обнаружили тоннели нуль-транспортировки, именно здесь был локализован какой-то таинственный штурвал матрицы, с помощью которого атлант Тор должен был задать вектор развития новой цивилизации. Да и вообще, если на нем, Андрее

лежит какая-то неведомая, сверхчеловеческая миссия, то, очевидно, некие могущественные силы знакомят его таким необычным образом с обстоятельствами «дела». Правда пока что его миссия особенно не стала яснее, но все же какие-то узелочки начали завязываться. В общем Андрей осознал, что Тор стоит – если не на том плато, где сидели они с Галей, то где-то поблизости, и место это Навна назвала Беловодьем. А ведь Беловодьем на Руси называли чудесные загадочные земли, сродни современной Шамбале, правда было не ясно идентичны ли эти два понятия или нет. Теперь же выясняется, что Беловодье (конечно, если это не простое совпадение названий) находится на Алтае, где названия некоторых гор имеют тот же корень: Белокуриха, Белуха, а ныне не существующие озера сияли неестественно белым светом. Здесь в немыслимо давние времена был локализован демиургами Штурвал матрицы, управляющий событийным вектором развития белой (именно БЕЛОЙ!) расы. Здесь погрузился в анабиотическое Сомати величайший атлант, главной миссией которого было сотворение алхимическим способом двух белых гомункулов – Адама и Еву а также контроль над штурвалом матрицы цивилизации. Здесь, судя по всему, должен был возникнуть первый очаг белой подрасы Ариев. Правда, с белой расой ассоциируется прежде всего Европа, а Азия скорее родина желтой расы, но ведь возможно Арии переместились в Европу позже, не исключено что они бежали туда от более могущественной в те времена желтой расы. Впрочем, массовые миграции целых народов в древности были нередким явлением, возможно поход Ариев из Европы в Азию под предводительством Рамы был уже второй, обратной волной. Может это был зов предков, правда по какой-то причине они обосновались в Индостане а не на Алтае, но путь миграции вполне мог проходить через Алтай.

Все же, как это парадоксально, будучи человеком (вернее сознанием) двадцатого века, находиться в немыслимой древности и думать о древних событиях исхода и переселения своих давних предков, как о чем-то, что должно произойти в далеком будущем!

Все эти мысли пронесли в обособившемся и окрепшем сознании Андрея, в то время как Тор, стоя на горном плато рядом с Божественным лучом Навной, оглядывал незнакомые просторы и думал о чем-то своем, словно и не замечая чужого сознания, прикрепившегося к его личностному стержню.

– Вот, значит, оно какое Беловодье, – медленно проговорил Тор. – Очень непривычно разглядывать пейзаж, где нет места морским просторам. Интересно, ступала ли в этих горах нога Атланта? Ведь мы еще несколько тысяч лет, как прекратили обследовать неведомые земли и путешествовать, ограничиваясь узкой прибрежной полосой, поскольку астральные путешествия куда менее обременительны и куда более разнообразны. Правда в конечном счете и это приелось, тем более есть сакуаллы, куда не проникнуть в астральном теле. Но ведь было время, когда многие путешествовали и по земным просторам, и право, сейчас мне кажется, что зря мы когда-то от этого отказались, ощущения астрала, какими бы разнообразными и многоликими они ни были, никогда не заменят ощущений плотного мира, приходящих к нам через пять органов чувств. Кстати, когда-то в немыслимой древности я тоже путешествовал и составлял карту Гондваны, но то место, где мы сейчас находимся – не мой сектор. Даже не знаю, кто из наших обследовал это место, и обследовал ли, – слишком далеко от побережья. Если бы было время, можно было бы посмотреть карты и описания, но карты эти уже много тысячелетий лежат в бездействии и, возможно, давно истлели – атланты давно потеряли интерес к земным путешествиям и географии. Но неужели в этих краях будет возрождена новая раса? Неужели возможно жить вдали от океана?

– Они будут иные, чем вы, – проговорила Навна, тоже словно впервые рассматривая открывшийся простор. – Они не будут приспособлены для жизни под водой и станут сухопутными существами: все необходимые корреляции уже внесены в бутон цветка Тенгри – матрицы будущей расы. Зато вода им будет необходима лишь для питья и умывания и они смогут селиться в любой части суши, в отличие от вас, атлантов, привязанных к побережью океана.

Людей в далеком будущем должно быть очень много, миллиарды быстро сменяющихся биологических особей, это возможно только в том случае, если они смогут жить в любой части суши. Увеличение популяции вашей расы стало невозможным из-за слишком узкого ареала обитания. Вы так и не стали ни полностью океаническими, ни полностью сухопутными существами, не смогли жить ни вдали от побережья, ни глубоко в океане. А тесноты вы тоже не выносили, предпочитая большую часть времени оставаться в одиночестве. Когда ты в последний раз тесно общался с себе подобными, мудрый Тор?

– Точно не помню, – озадаченно ответил атлант, – может месяц, может два назад. Ты же знаешь, физическому контакту мы предпочитаем телепатическое общение, либо встречаемся в астрале. Хотя раньше мы, конечно, были общительнее. Но ведь ты знаешь, совершенствование возможно лишь в длительных трансах и медитациях, Совершенный не может позволить себе частого контакта на физическом плане, это отвлекает и расслабляет.

– У грядущей расы все станет по-другому, новый человек будет общественным существом, стремящимся к контакту друг с другом. К тому же возврат к животному принципу разделения полов свяжет отдельных разнополых индивидуумов друг с другом гораздо сильнее, чем просто симпатия – это будет очень сильная связь, в основе которой, как в вашем чувстве сострадания ляжет энергия Космической Любви, и этим чувством они будут в значительной степени отличаться от вас. Но помимо Любви в основу этого чувства ляжет также энергия разделения полов, то есть оно будет одновременно и земное и небесное, и если в небесном подобное притягивает подобное, то в земном – это притяжение противоположностей.

Теперь мы подходим к еще одной специфике твоей миссии, о которой я еще не говорила, но о которой ты, зная особенности алхимической материализации гомункула, возможно догадывался. Прежде с помощью алхимической мистерии вы воспроизводили только себе подобных, теперь же в этот процесс придется внести определенные коррективы, которые автоматически наложат отпечатки и на матрицу цивилизации пятой расы, когда проект начнет загустевать и материализовываться, поскольку ты будешь тесно связан с ее штурвалом.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что тебе придется поляризовать свой шельт на два противоположных принципа – мужской и женский, которые обеспечат в дальнейшем тонкие частоты разных полярностей, наложат клише на алхимический процесс, проявятся на физическом плане и обеспечат рождение двух разнополых гомункулов – Адама и Евы. Ты будешь не первым атлантом, проделавшим подобное, вначале Совершенные создадут желтые, черные и красные пары. Твой акт творения станет завершающим и произойдет позднее, штурвал матрицы даст знать, когда именно.

– Но как это возможно? – Вскричал Тор. – Шельты атлантов никогда не были поляризованы!

– Они не были поляризованы, но потенция поляризации была всегда, поэтому вы несли в себе в равной степени как мужские, так и женские свойства, и в вашей природе заложен механизм при определенных обстоятельствах становится либо мужчиной либо женщиной, как это существует у некоторых разновидностей рыб, которые могут менять пол в зависимости от условий, будучи изначально гермафродитами. А сам механизм... поляризация шельта произойдет после того, как ты попадешь в Дуггур и впитаешь в свою природу семя Эйцехоре. Подробности я не берусь предсказывать, частности проявятся лишь на месте, но твоим проводником станет шельт Андрея Данилова. В настоящее время он подсоединен к твоему шельту в результате временного парадокса: с одной стороны из точки бифуркации временной петли ты перенес его в твое «теперь», с другой стороны после Армагеддона его шельт понесет тебя в точку бифуркации. Но поскольку в потенции временной бифуркации содержится принцип альтернативности, то оттуда, в силу ряда потенциальных обстоятельств тебя вместе с ним закинет в Дуггур. Для этого у вас будет особая проводница. И еще: твой шельт придется временно замаскировать,

перевести в состояние споры, иначе путь в Дуггур будет для вас закрыт, поэтому на время Миссии твое сознание станет единым с сознанием носителя, в далеком будущем, обозначенного, как Андрей Данилов, и его сознание будет полностью доминировать, хоть и сознавать ваше объединение. Ты превратишься в нечто вроде его памяти – правда памяти того, чего ни с его шельтом, ни с его телом никогда в действительности не происходило. Теперь, поскольку времени осталось совсем мало, мы должны перейти к главному на текущий момент. Прямо под нами в толще скалы находится полость, не имеющая ни входа, ни выхода, и единственное, что там есть – это небольшое количество воздуха, проникшего через микротрещины. Как ты знаешь, в состоянии анабиотического Сомати в дыхании нет надобности, а на то время, которое тебе потребуется для того, чтобы ввести себя в это состояние, запаса его вполне хватит. В этой полости, как я сказала, особым образом локализован штурвал цветка Тенгри, а так же все необходимые ингредиенты для алхимического процесса. Для того, чтобы локализовать их в толще скалы пришлось проделать то, что через несколько минут предстоит проделать и тебе с твоим телом: дематериализовать их на элементы в храме Миаф, где они находились, а затем, перенести эти элементы через канал нуль транспортировки, вновь собрать их а также емкости, в которых они находились, в полости скалы. А теперь тебе пора проникнуть в скалу, переместив туда не только шельт, что совсем не трудно, но и свое физическое тело. Это требует знания некоторых частотных характеристик.

С этими словами Навна приложила почти неосозаемую, ощутимую как дуновение и легкое щекотание руку на лоб Тора, и закрыла глаза. Некоторое время они оба стояли сосредоточившись, затем Навна открыла глаза и сказала:

– Ну вот, теперь, если ты заставишь вибрировать свой шельт в первом режиме, который я тебе сообщила, твое физическое тело распадется и превратится в облако холодной плазмы. После этого, в новом субстанциональном состоянии ты опустишься в скалу, вплоть до ниши, которая находится вертикально под нашими ногами и там заставишь вибрировать шельт в режиме 2, который ты теперь тоже знаешь – тогда твое физическое тело вновь восстановится. Таким же образом ты покинешь скалу, когда придет время. О том же, что будет с тобой после того, как ты совершишь алхимический акт сотворения, я ничего сказать не могу: множество бифуркаций скрывают единственную истину, которая ведома лишь Всевышнему. А теперь, дорогой мой друг, мы расстаемся очень на долго, но верю, что ты с честью исполнишь возложенную на тебя великую миссию и тогда мы неоднократно еще встретимся здесь, на земле.

С этими словами Навна коснулась области сердца и перенесла руку в ту же область груди своего собеседника, Тор же склонился в глубоком поклоне, а когда поднял голову, то Навны уже не было: то ли она бесшумно растворилась, то ли мгновенно перенеслась в неведомые дали. Тор сознавал, что ему тоже пора, и все же медлил, сознавая, что не увидит этот красочный светлый мир, не услышит пения птиц и шума горной речушки возможно очень долго – то ли столетия, то ли тысячелетия. Скорее всего того мира, который был до Армагеддона уже никогда не будет и по выходу из своей каменной гробницы он его не узнает: как знать, какие глобальные неизгладимые последствия останутся после столь чудовищной катастрофы. Конечно, его многовековое заточение не будет чем-то немисливо тягостным, его астральному телу предстоят возможно чрезвычайно интересные путешествия. Андрей, все это время ощущавший свою отдельность, тем не менее, прекрасно осознававший мысли и чувства Тора, представил себе, что пережил бы любой его современник, которого бы приговорили в пожизненному заточению в каменном мешке. А тут ведь речь идет не о десятках, а о сотнях, возможно даже тысячах лет, и тем не менее никакого страха в душе атланта Андрей не ощущал – скорее легкая сентиментальная грусть и досада, что его мечты о слиянии с космическим сознанием Всевышнего так и остались не реализованными – но все эти чувства поглощались всеобъемлющим чувством долга, которое всегда превалировало в его жизни над прочими чувствами. Что же до ощущение

ний физического тела – то они его не беспокоили, их просто не будет, а к длительным погружениям в астральные миры и пространства он привык настолько, что астральные реалии для него давно уже стали более значимы и привычны, чем пребывание в земном сознании.

Итак Тор в последний раз (грядущее было туманным и слишком отдаленным) оглядывал земные просторы (правда уже не было привычного океана), вдыхал запахи, вслушивался в щебет птиц и шум реки там, в ущелье. А тем временем у горизонта с востока происходили изменения, на которые вначале он не обратил внимание. Несмотря на ясный безоблачный день, горизонт с востока заалел, словно оттуда восходило еще одно солнце, и краски его все сгущались и сгущались, постепенно распространяясь на всю небесную сферу. К тому же заметно потеплело.

«Кажется астероид вошел в верхние слои атмосферы, – подумал Тор, – значит времени осталось не более получаса. Если судить по карте, которую показала Навна и, согласуясь с нашими расчетами, упасть он должен в противоположном полушарии, так что увидеть его падение я не смогу. Скорее всего последние минуты перед падением будет слышен страшный гул и возрастет температура из-за того, что раскалится астероид. Правда в том месте, где я нахожусь не должно быть такого уж катастрофического потепления – у воздуха все же плохая теплопроводность, а конвекция поглотится толщей земли. Другое дело – ударная волна и все, что за этим последует. Что ж, время вышло, пора.

Тор уселся на нагретую летним солнцем каменную площадку скалы, закрыл глаза, а сознание Андрея, продолжая оставаться «прикрепленным» к сознанию Тора почувствовало знакомую внутреннюю низкочастотную раскачку маятника, на длинные волны которых постепенно в определенной последовательности стали накладываться обертона тонких вибраций самого широкого спектра. Это была какая-то особая, сообщенная Навной последовательность и частотность, которая улавливалась Андреем, как некая чрезвычайно сложная мелодия, звучащая во внутреннем пространстве шельта, сопровождающаяся бесчисленными световыми и Бог еще знает какими вибрационными эффектами. Действительно, не прошло и нескольких минут, как плотное тело Тора, которое Андрей воспринимал, как свое собственное, вдруг совершенно безболезненно словно бы взорвалось изнутри, превратившись в светящуюся прозрачную ауру. Вскоре границы ее размылись и о ее существовании можно было судить лишь по незначительной опалесценции в радиусе нескольких метров (Андрей в этот момент получил возможность наблюдать за происходящим со стороны, как было во всех его прежних подключениях к былым воплощениям). Затем он почувствовал что его затягивает внутрь скалы, какое-то время он без особого труда достаточно быстро просачивался сквозь плотную, то тем не менее легко проницаемую среду, но спуск продолжался не долго, что-то вспыхнуло, затрепетало, вновь включился внутренний маятник, с помощью своих обертонов исполнявший совсем уже другую мелодию. В следующий момент Андрей ощутил, что сидит на прохладном сухом камне, в абсолютной темноте, в душном, спертом, хоть и холодном пространстве, ограниченность которого хоть и невозможно было видеть, но ощущалось кожей, всем телом. Андрей понял, что шельт Тора, вместе с его, Андрея, сознанием опустились до нужной полости в скале и атлант вновь материализовал свое физическое тело, но пока еще не погрузил его в анабиотическое Сомати, иначе никаких телесных ощущений он не смог бы испытывать. Когда его немигающие, покрытые защитной пленкой глаза привыкли к темноте, то выяснилось, что темнота не абсолютная, но то тут, то там возникают, плавают, перемещаются едва заметные опалесцирующие бесформенные туманности, червячки, точки, то приближающиеся, то удаляющиеся, то исчезающие из поля зрения, на мгновение осветив шероховатый участок стены. Когда же глаза Тора, гораздо более чувствительные чем у человека, окончательно привыкли к темноте, то он различил в отдалении неподвижный источник света: где-то там, впереди – расстояние было сложно определить – Тор увидел несколько бесформенных огоньков разной цветности и интенсивности, находящиеся вблизи друг друга и один несколько в стороне. Атлант медленно поднялся

на ноги – при его огромном росте увеличивался риск разбить голову о свод пещеры, но к счастью каверна, внутри которой он находился, была весьма просторна и с высоким потолком. Уже предполагая, что он может там, впереди, обнаружить, Тор пошел в сторону неподвижных огней и вскоре оказался рядом с глухой стеной, в которой зияла ниша, заполненная небольшими контейнерами, наподобие термосов из неизвестного материала. Каждый из этих контейнеров слегка опалесцировал, словно был покрыт каким-то светящимся в темноте покрытием, причем каждый светился своим цветом. Тор знал, что в этих контейнерах находятся ингредиенты, необходимые для запуска алхимического процесса, перенесенные из храма Миаф и вновь материализованные в этой глухой каверне. К тому же был и один дополнительный сосуд с биологическим материалом, очевидно привнесенный демиургами, с неким зародышевым биологическим материалом из которого предстояло вырастить организм нового человека, отличного от организма атланта, и если атлантов можно было считать биологическими родственниками саламандр, то грядущего человека предполагалось создать родственником приматов. Разумеется, и в том и другом случае души имели совершенно иную природу, чем у вышеупомянутых животных.

Тор сделал шаг в сторону и приблизился к обособленному источнику свечения – это был удивительный цветок, напоминающий формой розу, но только с гораздо большим количеством разноцветных лепестков, свечение которых, сливаясь, давало ощущение розового цвета. Он был величиной с кулак Атланта и висел прямо в воздухе. При ближайшем рассмотрении оказалось, что все лепестки – это мельчайшие ячейки и каждая ячейка – маленькое зеркальце, в котором, уж при совсем ближайшем рассмотрении можно было рассмотреть свое лицо. Несмотря на то, что цветок вроде бы весь состоял из малюсеньких зеркал, тем не менее казалось, что он совершенно живой и обладает собственным свечением, только каждый лепесток давал собственный оттенок. Картина была чрезвычайно завораживающая и когда Тор поднес к цветку руку, то на его ладони заиграли сотни световых зайчиков, переливающихся всеми цветами радуги, и создающих какой-то замысловатый, но не случайный рисунок. Тор видел этот цветок впервые, тем не менее сомнений в его назначении не возникало: перед ним висел никогда не виденный атлантом штурвал матрицы грядущей цивилизации, который Навна назвала цветком Тенгри. Считалось что сей божественный инструмент находился в ведении планетарного Логоса, но как выяснилось, в определенные ключевые эпохи он перепоручался разумным носителям физической материальности. Сначала это были лимурийцы, о существовании отдельных представителей которых Тор даже не подозревал, теперь же это он, представитель расы атлантов, в числе немногих избранных. Как знать, увидит ли он кого-то из своих соотечественников, которые должны будут запустить алхимический процесс раньше, чем он. Насколько раньше? Об этом Тор не знал, как не знал, что он будет делать после того как создаст первых Адама и Еву. Хотя, наверное, термин «создаст» не совсем правильный, он только воспроизведет ту программу, которая заложена в алхимические ингредиенты планетарным Логосом, его задача правильно все исполнить, и если раньше в горне алхимического атанера возникал новый гомункул-атлант, то теперь должны появиться два представителя новой арийской расы.

Тор расположился на расстоянии вытянутой руки от штурвала и сел в лотос. Оказалось, что как раз в этом месте Навна предусмотрительно материализовала циновку из стеблей растения куша, на которой Тор привык медитировать. Атлант расслабил мышцы (он знал, что вскоре они приобретут почти каменную твердость) и внимательно прислушался к своему телу, не потому, что это требовалось, для вхождения в состояние анабиотического Сомати – тут как раз требовалось обратное, полное отключение от тела – а потому, что он хотел в последний раз на ближайшие тысячелетия прослушать физические ощущения своего тела. Тор мысленно прошелся, вслушиваясь, по каждому своему органу, как бы прощаясь с ним, а вернее говоря ему «до свидания» на ближайшие тысячелетия, затем начал мысленно строить ман-

долу Вечности, известную ему с незапамятных времен. Правда к практической работе с ней он не прибегал никогда, поскольку после завершения ее ментального построения, астрал должен был покинуть физическое тело навсегда. Навна сообщила ему в последней тайной передаче, как чуть-чуть не завершить эту мандалу, чтобы иметь возможность вернуться и оживить этот застывший истукан через определенный цикл, когда начнет активизироваться матрица грядущей цивилизации – цветок Тенгри. Вскоре, по мере построения мандолы, вокруг Тора сформировалась особая сфера, которая полностью изолировала его биологический организм от каких-либо микроорганизмов и других внешних влияний, способных привести к разложению заживо за этот немыслимо длинный период анабиоза. Это было нечто вроде энергетического бальзамирования, почти что мумифицирование, присущее особой природе физических тел атлантов, ткани которых имели свойство непрерывно регенерировать и не содержали генной информации старения. В теле его должны были прекратиться дыхание, сердцебиение, отправления и прочие процессы метаболизма, превращая биологическую органику практически в минеральное состояние. Тем не менее это тело не умирало безвозвратно и имело возможность вновь начать функционирование хоть через сто, хоть через тысячу лет, достаточно было разумному шельту воспроизвести мандолу воскрешения – свойство, которое, увы, не должно было передаваться физической природе новой расы.

Итак, Тор генерировал особую бальзамирующую ауру, остановил все процессы метаболизма в своем теле, перевел мышцы в состояние каменной твердости, произвел особую полевою консервацию собственных клеток, вернее все это происходило автоматически после того, как он выстроил на ментале мандолу Вечности и покинул свое тело, как он это делал миллионы раз. Правда этот случай был особенным, поскольку он никогда не покидал свое тело больше чем на несколько дней и ни в каком энергетическом бальзамировании не нуждался. Первой его внетелесной мыслью была мысль о том, что необходимо сделать то, что было абсолютно невозможно, пребывая в физическом теле – посмотреть момент, когда гигантский астероид, получивший у атлантов имя «Освободитель» врежется в его родную планету, а вернее в океан. По подсчетам астрономов он должен был упасть вдали от суши, сосредоточенной (за исключением островов) в едином сверхконтиненте Гондвана. Тем не менее это не делало катаклизм менее драматическим, поскольку образовавшаяся волна должна была залить сушу многокилометровой толщей воды в мгновение нагретой практически до точки кипения. К тому же в коре Гондваны должны будут образоваться гигантские разломы, которые постепенно приведут к расползанию сверхматерика на несколько частей. И все же по прогнозам ученых Земля должна была выдержать чудовищный удар и не расколоться на несколько частей, как это нередко бывает в дальнем космосе.

Тор привычно вошел в ближайшее астральное кольцо, которое сразу же изолировало его от физического пространства и позволило переместиться в астральное отражение, копию земного пространства именно в том месте, в которое он намеревался переместиться. Вскоре он нашел знакомые энергетические маячки храма Миаф, которые проецировались на астрал, и войдя в определенную систему резонансов, вынырнул в астральное отражение в точности повторяющее земной ландшафт в районе побережья, где совсем недавно он сидел на высокой скале, а затем беседовал с Навной. Тут он понял, что оставаясь в этой проекции он вряд ли сможет что-то рассмотреть, поскольку болид упадет там, за горизонтом, и все, что он сможет увидеть с этой точки – это гигантская волна высотой в десятки километров, подобной которой очевидно не возникало на земле никогда. Это будет стена воды, уходящая своим гребнем в стратосферу. Нет, такой катаклизм нужно наблюдать сверху, иначе вообще ничего не увидишь. Тор бросил последний взгляд на неподвижные фигуры своих соотечественников, решивших в последней медитации встретить конец света и послал им мысленный привет и прощание, ведь каждого из нескольких тысяч атлантов он знал в лицо и по имени. Затем он переместил астральную проекцию земного пространства высоко в стратосферу, в то место

из которого будет видно столкновение астероида с Землей. Когда он вынырнул в верхних слоях атмосферы, где уже становилась видна шарообразность планеты, то оказался примерно на одном уровне с гигантским небесным телом, несколько сотен километров в диаметре. Оно было испещрено многочисленными кратерами и светящимся кроваво-красным светом, словно раскаленное железо и отрывающимися от его поверхности кусками породы, наиболее мелкие из которых тут же сгорали. Астероид имел форму разрушающегося с поверхности шара и его гигантское величество сопровождала свита из более мелких метеоритов. Атмосфера вокруг болида – а ведь это была ионосфера, совсем разряженная ее часть – сияла разными оттенками красного на сотни километров вокруг астероида, и чем глубже в ионосферу погружалась маленькая планета, тем ярче становилось свечение как окружающей атмосферы, так и самого астероида, верхние слои которого уже начали плавиться и испаряться.

Вместе с гигантским спутником Тор спускался в глубь атмосферы, наблюдая, как над планетой начали проноситься чудовищные вихри, и как быстро возникающие злоеущие тучи, то мгновенно рождаются из быстро испаряющейся поверхности океана и мечутся в дикой пляске вокруг планеты, то мгновенно развеиваются сильнейшими ураганами и смерчами. А оттенок свечения астероида все менялся и менялся, его расплавленный поверхностный слой, удерживаемый собственным тяготением, превращался в плазму и этот разогретый до десятков тысяч градусов ореол сжигал вокруг себя миллионы кубометров воздуха, который тоже превращался в плазму, все увеличивая и увеличивая испаряющий ореол.

Тор видел в окна, образовавшиеся в тучах, как заплели, воскурились тысячами дымов зеленые зоны планеты: это горели миллионы гектаров леса, подожженные раскаленным воздухом, а кое-где, разбуженные новым мощным источником гравитации зарделись огненные цветы вулканов. Всю эту величественную, но с такой высоты нестрашную картину периодически заволакивало клочьями дыма, смешанного с паром, которые тут же уносились бешеными вихрями, гуляющими по растревоженной атмосфере матушки Земли. А огненный шар все снижался и снижался, его отражение ярким пятном летело по поверхности океана, и тень эта увеличивалась с каждой минутой. В зоне этого отражения уже не было облаков, перекрывающих обзор – они сгорали в ореоле болида, присоединяясь к его ширящейся плазменной ауре, за которой уже не было видно его толи твердого, толи жидкого ядра. Это было всеиспеляющее огненное солнце, ворвавшееся в атмосферу другой планеты.

Болид приближался к зоне падения, смещаясь к середине великого океана (он летел слегка под углом), Тор давно уже висел высоко над болидом, смещаясь вместе с ним так, чтобы увидеть момент падения. Континента уже не было видно, в поле зрения был только Великий океан, бурлящий и испаряющийся в зоне огненного пятна, и когда болид коснулся его поверхности, он словно бы вспучился ему навстречу гигантским плазменно-дымным пузырем, из которого стал формироваться ядерный гриб, возможно незнакомый Тору, но не раз виденный Андреем по телевизору. Только масштабы этого гриба превышали все мыслимые категории: он перекрыл треть панорамы Земли, а огненно-дымный выброс все ширился и высился, достигая верхних слоев атмосферы и проникая в космос. Тор уже представлял, как болид прожигает океан до дна и продавливая кору Земли, увязая в огненной мантии и как многокилометровая стена воды чуть ли не на треть вытесненного с места взрыва океана обрушивается на сушу, слизывая все рукотворное и нерукотворное, нашедшее приют на этой, казавшейся с высоты такой безопасной и гостеприимной Земле...

Видеть в реальном времени Тор этого не мог, и тем не менее хорошо представлял, что творится в этот момент на матушке-Земле. Он знал, что все его современники, собравшиеся на побережье в ожидании времени Ч не увидели ни гриба, (он образовался в другом полушарии) ни многокилометровой волны: их бессмертные тела сгорели еще до падения астероида, поскольку температура атмосферы многократно повысилась еще до соприкосновения поверхностей двух планет. Выжить что-то живое могло лишь в глубинах океана, располагав-

шихся вдали от взрыва, либо в центре материка, в горах, в горных пещерах, куда, возможно, не достигла гигантская волна, покрывшая всю равнинную местность материка и возможно не затронувшая горные местности вдали от океана, наподобие современных Гималаев, Тянь-Шаня, Саян. Несомненно какие-то животные и растения должны были выжить и это знали демиурги – не имели шансов лишь атланты, селящиеся вдоль побережья на суше и плавающие неглубоко в океане (многие предпочитали морские жилища) поблизости берега. Атланты делились на две подрасы, несильно отличающиеся друг от друга: на тех кто спит в океане и тех, кто спит на суше, но обе подрасы были земноводными и могли существовать и там и там. Однако шансов уцелеть у побережья не имел никто.

Тор глядел, как земной шар заволакивается от его взора смесью дыма и пара, понимая, что из этой точки он уже не разглядит ничего: в считанные минуты атмосфера заполнится таким количеством продуктов сгорания и испарения, что поверхность будет скрыта от взгляда из космоса на десятки, а может и сотни лет. Конечно, он мог бы создать астральную проекцию на поверхность земли, ведь астральному телу, находящемуся в ином измерении не грозят никакие катаклизмы физического пространства. Тем не менее желания наблюдать Апокалипсис в непосредственной близости у него не возникало: в человеческих масштабах наблюдения это будет либо сплошной клокочущий мрак, либо сплошной клокочущий огонь, где ничего конкретного разглядеть конечно не удастся.

Итак, нужно было приступать ко второй части задания, куда более трудной и мистической, и когда эта мысль пришла к нему в голову, он осознал, что висит в пространстве не один. Рядом с ним с интересом и скорбью происходящее наблюдало существо, в чем-то похожее на него, но гораздо меньших размеров, хотя в астрале это различие было достаточно условным: маленькие могли становиться большими и наоборот. Тор знал, что это шельт того сознания, которое подключилось к нему незадолго до появления Навны, и также он знал, что связан с этим существом какой-то загадочной кармической связью. Оно являлось в какой-то мере составляющей частью его существа, которое непостижимым образом должно было перекинуть атланта в будущее, откуда, собственно оно и явилось, означая, тем самым, что миссия Тора так или иначе будет выполнена. Это был шельт Андрея и мы снова вернемся к описанию нашей истории, увиденной его глазами.

Андрей отделился от сознания Тора уже давно, в момент, когда тот покинул свое закаменевшее тело. Связанный незримой нитью общей миссии, он совершил с атлантом пару скачков в астральных проекциях и из верхних слоев ионосферы наблюдал картину, которую в тот момент вне всякого сомнения можно было назвать «Гибель Земли», и не верилось, что когда-нибудь на этой планете будут бегать стада животных, цвести сады и высится в своей величии многомиллионные города. В эти величественные трагические минуты Андрей совсем забыл о том, в чьем теле он провел несколько часов, воспринимая все те же телесные ощущения, что и сознание великана – забыл о нем и Тор. Теперь же они оказались лицом к лицу в своих шельтах и с интересом разглядывали друг друга.

Тор в астральном облике чем-то напоминал библейского ангела без крыльев и внешность его утратила черты земноводности: тело его облегалo нечто наподобие длинной туники а с некогда голого черепа нежными рунами струились льняные локоны. Андрей же вновь вернулся к образу древнеиндийского воина, но в большей мере ощущал свою идентичность с последним воплощением в образе Андрея Данилова, нежели с кшатрием Рамом.

И человек и атлант находились внутри золотого ореола, который удерживал одного подле другого и словно бы свидетельствовал о том, что они объединены общей миссией и связь эта, возможно, гораздо более прочная, чем казалось им обоим.

– Вот ты какой, мой дальний потомок, – лучезарно улыбнулся Тор (напомним, что в физическом теле мимика атланта была крайне бедна), – ну, что ж, сам факт твоего существования

свидетельствует о том, что моя миссия в конечном счете будет успешной. Насколько данный облик твоего шельта соответствует твоему биологическому телу?

– Да примерно соответствует, – сказал Андрей, растерянно себя разглядывая, – правда одет в своем мире я несколько по-иному, так иногда облачался мой давний предок.

– Значит грядущая раса будет расой карликов, – с некоторым разочарованием сказал Тор, – и жизнь ваша будет такой же короткой, как и тело. Наверное в этом какой-то высший провиденциальный смысл: раса лимурийцев была в два раза крупнее и массивней нашей – об этом свидетельствует Священное писание – ваша же раса будет гораздо мельче нас. А впрочем, не в росте дело, я думаю, вы должны быть гораздо счастливее и духовнее нас.

Андрей открыл было рот, чтобы рассказать, насколько Тор ошибается в своем предвидении, но вдруг почувствовал, что на эту тему не может вымолвить ни слова – словно некая сила не давала ему возможность сообщить Тору что-либо касающееся на данный момент еще не свершившегося факта.

Андрей развел руками:

– Я не могу об этом сказать, последуют дальнейшие вопросы, а Высшие силы не желают, чтобы эта информация дошла до тебя.

– Я понимаю, – наклонил голову Тор, – впрочем это совершенно естественно: знание каких-то ключевых моментов будущего может повлиять на ткань провиденциального плана. Что ж, мое естественное любопытство останется неудовлетворенным, но на все воля демиургов! А сейчас прости, мне придется воспользоваться твоей колесницей. Я – Тор, прими эстафету, землянин!

С этими словами Тор как-то необычно засветился – вернее гораздо ярче засветился ореол, который окружал и его и Андрея, но одновременно с увеличением свечения стал быстро гаснуть его собственный шельт. Андрей почувствовал, словно нечто вошло в материю его шельта где-то в области груди, при этом шельт Тора исчез вовсе, а на декоративных бахрецах доспехов кшатрия (естественно это была одна лишь бутафория и никого в условиях астрала она не защищала) образовалось что-то вроде рисунка-горельефа. Это был образ младенца, какими они, наверное, появлялись в атлантической цивилизации в алхимической реторте: бесполой андрогин с серьезным взрослым лицом и огромными недетскими глазами.

В этот момент Андрей понял, что ему передалась новая энергия, содержащая некий информопакет, который можно развернуть и обнаружить там чью-то спрессованную, бесконечно долгую жизнь Чужую жизнь со всей массой мыслей, желаний, ощущений, поступков и свершений, прочесть которую не сразу и решишься, а если и решишься, то на это уйдет масса времени, сил и эмоций.

Эта новая энергия начала неудержимо выталкивать Андрея из невероятно далекого прошлого в некую временную бифуркацию, где он впервые столкнулся с сознанием атланта, и вместе с ним в это будущее-прошлое (смотря для кого) устремляется и развоплощенное, переведенное в потенциальное состояние шельт и сознание Тора. На какое-то мгновение (или вечность?) Андрей утратил самоощущение, а когда оно вновь возникло, то он осознал себя в том моменте, в котором впервые почувствовал присутствие Тора.

Огромным человеком-Пурушей он парил в бесконечном космическом пространстве, а напротив висела его женская ипостась и в немом призыве тянула к нему руки-туманности, сотканые из звездной пыли.

ГЛАВА 3. Спуск в Дуггур

– Ты узнаешь меня, Адам, – вновь донесся до сознания Андрея завораживающий призывный шепот, – я – Лилит, я явилась на землю из лунной брамфатуры, когда жизненная оболочка моей планеты безвозвратно разрушилась. Я должна была стать твоей супругой, того же хотел и ты, но планетарный Логос нарушил наши планы и предложил тебе другую. Но теперь настало время тебе испытать то, от чего ты вынужден был отказаться в те незапамятные времена – уверяю тебя, не по своей воле. ОН не был заинтересован в твоём счастье. Я хочу показать тебе место, где наш союз – в иносказательной, символической форме – был осуществлен, это альтернативный пространственно-временной рукав, поэтому он достаточно изолирован. В твоём магистральном потоке все происходило по-другому и мы были разлучены, а Ева... Ева не дала тебе в полной мере того, чего могла дать тебе я – она была всего лишь твоим ребром и мало отличалась от тебя самого. Я же несла лунную страсть. Не случайно в ночи полнолуния на тебя находила непонятная тоска и чувство одиночества, несмотря на то, что твоя Ева была поблизости. И тогда тебе все надоедало, ты бросался на поиски новой сердечной привязанности, но везде находил одну только очередную Еву, как бы они не различались внешне. Все потому, что ты везде искал меня, но не находил, слишком мало моей энергии оставалось в земных жрицах любви. Итак, ты готов идти со мной? Твое решение добровольно? Я не вправе нарушать свободу воли, иначе буду наказана!

– Я готов, – отрапортовал Андрей-Рам-Адам Кадамон, при этом личная часть Андрея сознавала, что предстоящий спуск в неведомый Дуггур – на самом деле задание, которое получил Тор, а следовательно и он сам, от Навны. Без его выполнения невозможно было зарождение новой человеческой расы в далеком прошлом, а поскольку он, Андрей, представитель этой расы, следовательно и вопрос с его спуском – дело решенное. Но Дурга-Лилит ни о чем этом, похоже, не догадывалась. А впрочем, мотивы, возможно, не имели никакого значения, если Высшим силам угодно было осуществить эту провиденциальную Волю.

– Тогда, милый, нам предстоит несколько изменить форму, в нынешней слишком много обобщенного. К нам и к нашей задаче она не имеет прямого отношения. Слишком здесь много наших иных «я», на которые возлагалась иная задача, тут нужна другая плотность материи. И тем не менее энергия этих разных Пуруш будет способствовать нашему путешествию. Так станем на час кометою!

С этими словами Дурга-Лилит приблизилась к Андрею-Адаму Кадамону и их тела, разжиженные, размытые, созданные из звездной пыли совместились. В этот момент возникла ярчайшая голубая вспышка, словно Вольтова дуга между двумя полюсами, большая часть звездной материи аннигилировала, превратившись в энергию, а все, что осталось от двух вселенских великанов воплотилось в головную часть необычной кометы. Это были два обнаженных тела – мужское и женское – как бы олицетворяющие телесное, половое совершенство обеих сторон. Оба эти тела оказались слитыми в страстном объятье, а их ноги постепенно переходили в дымный световой шлейф – хвост живой кометы. Как мы помним, именно эта картина привлекла внимание Андрея, когда он явился в качестве сотрудника скорой помощи к тогда еще незнакомой пациентке Лиане Кремлевой. Комета хлынула вниз, и хотя в космосе не бывает понятия «верх и низ», Андрей ощущал, что это не полет, а именно падение – яркое ошеломляющее падение звезды...

В этот момент Андрей, как это у него обычно происходило при переходе из сакуаллы в сакуаллу, из фазы в фазу, утратил мироощущение, а когда сознание вернулось, он увидел, что стоит напротив огромных ворот.

Теперь Андрей окончательно осознал себя астральным Андреем, хоть и выглядел в астрале как древнеиндийский воин времен Махабхараты. Возможно именно поэтому так заво-

раживающе на него подействовала в свое время иллюстрация из Бхагавадгиты, где Арджуна в полном боевом облачении и вечно юный Кришна скачут на четверке белых лошадей навстречу полчищам Кауравов. Андрей огляделся, дабы понять, где он находится, и тут только понял, что Дурга, по инициативе которой он попал в это загадочное место, которое она называла Дуггуром (Он точно помнил, что где-то слышал или читал это название, но не помнил, где), таинственно исчезла. А ведь еще совсем недавно они, слившись единой кометой мужской и женской сути неслись с немыслимой скоростью, рассекая тьму вселенной. Правда вселенная эта, наверняка была астральной, а следовательно и вся пространственная безграничность и космические размеры обоих Пуруш были чистой условностью и не имели ничего общего со вселенной физической. Теперь же Дурга неожиданно исчезла и это вызвало определенную тревогу у Андрея. Он надеялся, что Дурга будет его гидом и покажет ему, словно Вергилий Данте, все достопримечательности этого Дуггура, а так же поможет осуществить неведомую миссию, которую, не спросив его согласия и самоустранившись, возложил на него древний атлант. Теперь же Андрей стоял напротив закрытых ворот высоченной стены и думал о том, что эта стена, наверное, очень напоминает стену Андимосквы-Друккарга, на которой он в давние годы беседовал с черным магистром после позорного бегства от лярв. Правда, тогда он смотрел сверху и особенно не успел рассмотреть эту стену, поэтому, та ли это стена он бы затруднился ответить. Нет, наверное все же не та, хоть и не менее высокая – и цвет у нее другой, какой-то синевато-лунный, и формы. Там все формы архитектурных конструкций были прямоугольными и угловатыми, здесь же все закруглено: закругленные гольши и закрепляющий состав словно бы стекает наплывами по всей стене, словно на оплавившейся стеариновой свече, и вообще ощущение вязкой текучести и каких-то миазмов вокруг – но это был не запах...

«Интересно, – подумал Андрей, – куда Дурга подевалась, может она, как Рати, уменьшилась и к моему шельту присосалась? Хороша проводница! И главное, все почему-то меня в качестве Савраски норвят использовать: и Тор, и Рати, и Дурга».

Андрей прислушался к себе: нет, присутствия Дурги и Рати не ощущалось, никаких наростов, микромладенцев и посторонних сознаний в своем шельте он не обнаруживал, в том числе и сознания Рама, хотя еще совсем недавно Андрей и сам толком не мог понять, кто он в большей степени, Рам или Андрей. Сейчас, если что постороннее и ощущалось, то это Тор, но он словно бы осуществил компьютерную свертку и своего шельта, и своего сознания-разума-памяти в информопакет, и присутствовал, как некая видимость-барельеф на левом бахреце декоративных доспехов. Так же присутствовало ощущение сознания, но не постороннего а его потенции, как потенциальная энергия, никак себя не проявляя, при соответствующих условиях переходит в проявленную кинетическую. Андрей попытался достучаться в это свернутое сознание – может ему Тор подскажет, что делать дальше – но оно полностью безмолвствовало.

«Ну что ж, – подумал Андрей, – раз все меня покинули, остается только действовать самому, и уж если я стою около ворот, то это должно означать, что в ворота эти необходимо войти. Правда тот факт, что ворота закрыты означает, что это очередное астральное испытание, которое я должен преодолеть, – (ворота действительно были закрыты на огромный, размером с вековой дуб засов, правда форма этого засова была весьма своеобразна... но об этом чуть позже). – В земных условиях, конечно, сдвинуть такой засов в одиночку совершенно невозможно, но в астрале, думаю, у меня на это изыщутся возможности. Что же мне этот засов напоминает?»

Андрей подошел поближе и его подозрения оправдались, а гигантские ворота, подробности которых доселе были скрыты расстоянием и сумраком лунной ночи, предстали во всем своем изысканном безобразии. А впрочем, если бы он более внимательно слушал Дургу, то нечто подобное и должен был предположить. Кстати, на небе действительно ярко светила полная луна, которую он никогда прежде в астрале не видел. При более внимательном взгляде можно было рассмотреть, что из пространства, сокрытого стеной и дверью, к луне поднима-

ются в высь какие-то испарения, и было заметно, что они словно бы достигают самой луны (чего невозможно в условиях физического космоса) и вступают в пределы ее ореола. При этом луна, окуриваемая этими эманациями, истекает каплями серебристого бальзама, который, превращаясь в ажурную кисею или нежную пыльцу, рассеивается над городом, но не достигает поверхности. Таким образом осуществляется непонятный круговорот. Кисея вуалила аккурат над пространством, скрываемым стеной и почему-то не выходила за ее периметр, поэтому Андрей не имел возможности поблизости рассмотреть, что это такое.

Итак, первая ассоциация, которая возникла у Андрея, когда он подошел к гигантской двери – это знаменитый индийский храм Кхаджурахо, который он никогда не созерцал воочию, однако не раз видел на фотографиях и открытках как у Маркелова, так и у Балашова. Вся циклопическая поверхность двери была испещрена барельефами, изображающими бесчисленные сценки совокуплений. Если в случае Кхаджурахо это были сценки из сексуальной жизни всяких там раджей и их гаремов, то тут фантазия неведомого зодчего разыгралась на всю катушку без руля и ветрил. На этой астральной стене совокуплялось все, что только может и не может: люди, животные, насекомые, деревья, растения, амебы и так же бесчисленные неодушевленные предметы: горы, облака, автомобили, дома и всевозможные предметы домашнего обихода. При этом все живое и неживое обретало антропоморфные черты, а все выступы и углубления имели исключительно фалло-вагинальную смысловую нагрузку. Фантазия неведомого зодчего была настолько неисчерпаемой, что любое более подробное описание было бы жалким и беспомощным, и если все это и можно было с чем-то уподобить, то только с каким-то порнографическим фантастическим комиксом, тему которого развил и до бесконечности размножил компьютер. Упоминание о компьютере, кстати, было не случайным, поскольку когда Андрей приблизился к стене, то понял, что нечто, вначале им принятое за шевеление гигантских червей, ничто иное, как движения всех этих барельефов. Все они вполне динамично занимались сексом на этой затейливой двери, постоянно меняя партнеров и партнерш. При этом обычная женщина могла оказаться под истекающим похотью Ролс Ройсом в спущенных семейных трусах, а сюрреалистический, в духе Сальвадора Дали слон на тоненьких, невысказанно длинных ножках совокуплялся с облаком, напоминаям некий синтез громадных молочных желез и вагины. Перечислять подобные извращения можно до бесконечности, и надо ли говорить, что тот самый засов, который привлек внимание Андрея был гигантским эрегированным членом, а щеколда – соответствующих размеров влагалище, но в отличие от реального засова и щеколды, здешние совершали вполне заметные фрикции, при этом заводясь все больше и больше, но тем не менее, до конца не расцепляясь. В довершение этой пикантной картины можно добавить, что дверь просто изливалась семенем и женским соком, пополам с менструальной кровью и от нее, как и от всего остального в этом странном месте в темное небо поднимались клубы опалесцирующих эманаций, восходящих к похотливой луне.

«Ничего себе! – мысленно прокомментировал Андрей. – Значит вот что Дурга имела в виду! Интересно, что там за стеной? Надо полагать, город, нечто вроде Нарова или Анти-москвы. Только, судя по двери, это должен быть какой-то невысказанно размеров бордель, а если учесть пластичность форм астрала, то бордель этот может оказаться совершенно непредсказуемым по форме и содержанию. Хотя, конечно, трудно вообразить, что в макро масштабах там происходит то же, что на этой двери, скорее дверь – это некий идеал, к которому стремятся здешние жители, возможно идеал недостижимый, ведь и храм Кхаджурахо изображает то, что в реальной жизни вряд ли можно повторить».

Андрей подумал, что может и не стоит сюда заходить, учитывая его достаточно скромные сексуальные потребности (хотя возможности, порою, оказывались самые неожиданные, но сам астральный секс никогда не доставлял ему особого удовольствия).

«Черт его знает! – задорно подумал Андрей. – Подойдешь к этой двери, а тебя тот же самый засов и натянет по самые помидоры... а учитывая его размеры, вряд ли это будет очень

удачная мысль. Да и фигурки эти так же отнюдь не миниатюрны, вдруг набросятся все хором! Я ведь тут человек новый, а вдруг им свеженьких впечатлений захочется? И будет, как в какой-нибудь деревенской частушке! Кстати, этот барельеф весьма близок к русскому частушечному фольклору, где половые органы ведут отдельную от хозяина разумную жизнь и сами приобретают антропоморфные черты. Не исключено, что подобные мыслеобразы как раз отсюда и доходят до умов этих неизвестных сочинителей, разве что их убогий разум не может постичь подобного вселенского разнообразия».

Андрей еще раз осмотрелся, ища путь к отступлению, но отступать было некуда, стена и вправо, и влево тянулась куда-то к горизонту. Перед ней раскинулась неширокая полоса каменистой высохшей почвы, а сзади, как бывало на подступах к Антимоскве, зияло Ничто – то есть тьма, разглядеть что-либо за которой не было никакой возможности.

«Что ж, – подумал Андрей, – раз обратной дороги нет, значит хочешь-не хочешь, придется открывать эту секс-дверцу и пробираться внутрь, что бы там внутри я ни увидел. Раз уж я здесь очутился и еще шельт атланта на себе притащил, значит в этом есть некий сакральный смысл. Правда, я думал и Дурга со мной проследует, однако она испарилась в неведомом направлении. Побоялась, небось, что ее здесь вусмерть затрахают! А в отношении меня – это ее маленькая месть, видимо я, в качестве кшатрия Рама, был недостаточно эмоционален и меня больше сексуальная гимнастика интересовала, чем чувства – отсюда и бледность астральных ощущений. Но все это хорошо, а рассчитывать не на кого. Ладно, была не была!»

Андрей подошел вплотную к городской двери и в нерешительности остановился рядом с членом-засовом. Этот гигантский фаллос располагался как раз над его головой и дотянуться до него можно было только вытянув руку. Фаллос совершал медленные фрикции, но тем не менее, прочно сидел в лоне своей подружки.

«Интересно, – подумал Андрей, – он когда-нибудь кончает? Или это – перманентное состояние? Исходя из логики его функционирования, рано или поздно должен произойти оргазм, и они расцепятся. Вот тогда и надо попытаться внутрь проникнуть. Если бы эту дверь невозможно было с места сдвинуть, то и засов тут был бы ненужным. Но это все теория, а на практике, черт его знает, когда у этой секвойи с яйцами наступит чувство глубокого удовлетворения. А может и продолжительность акта тут соответствует размерам, единственное, что вселяет надежду – неизвестно сколько он тут до моего появления свои мужские обязанности исполнял. А может, ну его к бесу, совсем забыл, что в астрале взлететь проще пареной репы, заодно и посмотрю сверху, что там за стеной творится – а вдруг туда и приземляться ни в коем случае нельзя!»

Андрей отошел на несколько шагов и мысленно послал себя вверх – увы, на этот раз у него ничего не получилось, очевидно в этой сакуалле несанкционированные полеты были под запретом. Безрезультатно несколько раз повторив свою попытку, Андрей понял тщетность задуманного и вновь вернулся к древовидному фаллосу. На этот раз, преодолевая отвращение, он попробовал оторвать его от известного занятия, но увы, это оказалось не легче, чем ворочать калифорнийскую секвойю. Андрей, уцепившись за складки гигантской мошонки, не только не смог вытащить засов из щеколды, но вместе с ним начал болтаться туда-сюда, еле успевая перебирать ногами. К счастью, его подозрения, на предмет того, что гигантский фаллос переключится на него, Андрея, оказались несостоятельными – засов сохранял похвальную верность своей щеколде.

Андрей снова отошел от гигантской двери и застыл в нерешительности, не зная, что предпринять и не получая никаких указаний свыше.

«Может, какой-нибудь стишок прочесть, – думал он в растерянности, – помнится, и в тридевятом царстве и в городе грез это прекрасно срабатывало. Беда только в том, что я на соответствующую тему никогда ничего не сочинял, и в голову, как назло, ничего не идет, хотя в городе грез меня просто распирало от импровизаторского дара».

Андрей прислушался к себе, надеясь услышать глас вдохновения, соответствующий месту, но кроме «девки в озере купались, х... резиновый нашли...», в голову ничего не лезло.

«Что ж, – подумал Андрей, – не будем приписывать себе чужие гениальные строки, тем более, как я помню, плагиат тут никогда не срабатывал».

Он снова погрузился в созерцание этой сюрреалистической картины:

«Однако Дурга, – подумал он снова, – либо куда-то не туда меня занесла, либо я оказался не тем человеком, на которого подобная хренотень действует! Она что, рассчитывала, что такое зрелище во мне какие-то особые сексуальные энергии пробудит? Пока что, никакого подъема энергии я не ощущаю. Хотя...»

Неожиданно Андрей почувствовал, что с ним действительно нечто происходит, но это не касалось его сексуальных чувств. В области груди он почувствовал какое-то напряжение и беспокойное мельтешение, но это было не внутри, а снаружи, как будто что-то заворочалось на его доспехах. Андрей глянул на область груди и увидел, что барельеф Тора на его центральном нагруднике-бахреце беспокойно зашевелился, словно его что-то растревожило. Вначале он совершал беспорядочные движения руками и ногами, при этом мимика его малоэмоционального лица отражала недоумение.

Затем на лице образовалась какая-то дурацкая улыбка-гримасса, словно бы этот младенец-андрогин пытался выразить незнакомое ранее чувство, которое еще не нашло своего мимического выражения, поэтому улыбка больше напоминала кривляние. Тут диковинное дитя потянуло руки в область промежности (напомним, что ни мужских, ни женских половых органов там не было, а мочеточник, судя по всему, выходил в анальное отверстие, составляя клоаку, как у птиц), и начало что-то судорожно там раздирать, словно при сильном зуде. Это остервенелое расчесывание продолжалось довольно долго, затем ручки переместились выше, словно зуд перешел на область живота, затем на область груди, лица, головы. При этом ниже рук Андрей заметил ранее не существовавший шов-перетяжку.

Когда ребенок дотянул ручки до головы, стало заметно, что шов, нигде не прерываясь протянулся от промежности до лица, и тело ребенка словно бы начинает сдавливать в области этого шва, а шов погружается в плоть барельефа. Андрей только успел подумать, что картина эта очень напоминает картину митоза какой-нибудь инфузории-туфельки, как его мысль подтвердилась следующим образом: обе половинки разъехались, словно разделенные этим швом напополам, затем на какое-то время исчезли, чтобы возникнуть уже по отдельности на правом и левом бахрецах – в два раза меньше первичного. Это были уже вполне человеческие дети и лицом и анатомией отличающиеся от ребенка-атланта: исчезли жаберные щели, на головке появились реденькие младенческие волосики, грудь уплостилась, между пальцами пропали плавательные перемычки и, что самое главное, появились маленькие половые органы – то что положено иметь мальчику и девочке. Очевидно, следуя древнему китайскому принципу сторон, мальчик обосновался на правом, а девочка на левом бахреце.

В этот же момент внимание Андрея отвлекло другое событие, которое заставило его забыть о разделившемся младенце-атланта на его доспехах. Гигантские ворота судорожно вздрогнули, издав сладострастный стон, и все фигурки на них конвульсивно завибрировали, очевидно достигнув чувственной кульминации, затем ворота с удовлетворенным стоном лопнули и, словно исторгнув семя, резко осели белой слизистой жидкостью, поглотив собой все бесчисленные двигающиеся барельефы. Жидкость растеклась по земле на многие метры вокруг (бурный поток, возникший в первый момент, несомненно снес бы Андрея, но тот, предвидя, что произойдет, заранее отбежал в сторону от ворот).

Когда половодье схлынуло, то выяснилось, что вместо ворот между двумя створками высоченной стены вписался покосившийся городской туалет, весь исписанный неприличными надписями, рисунками и телефонными номерами с предложениями самых разнообразных сексуальных услуг. Единственным отличием от обычного земного туалета был тот факт, что вме-

сто привычных М и Ж, а так же соответственных двух входов для мужчин и дам, Андрей обнаружил только единственный вход, над которым красовалась полустертая буква М. Рядышком пристроилось схематическое изображение профиля мужчины в шляпе и с трубкой, в отличие от прежней сюрреалистической вакханалии, вполне благопристойное и неподвижное.

«Ах Дурга, Дурга, – с ощущением внутренней иронии подумал Андрей, – то ли ты меня куда-то не туда препроводила, а сама улетела в более аппетитную сакуаллу, то ли у тебя приключилась посмертная шизофрения и ты городской нужник приняла за астральный султанский гарем с висячими садами Семирамиды. А впрочем и вся эта настенная подвижная порнография мне по барабану, а поскольку с Рамом мы нынче единое целое, то и ему тоже. Видел я в астрале нечто подобное и раньше, и никогда вся эта мышьяная возня у меня никаких эмоций не вызывала. Так что весь этот мусульманский рай с гуриями под пальмами – после каждого раза девственницами – совершенно не для меня. А впрочем – тут Андрей вспомнил о событии, произошедшем незадолго до „дверного оргазма“ – сейчас же на мне совсем иная миссия! С атлантом-то разделение произошло! Может именно для него эта катавасия предназначена была, а он весь сексуальный заряд на себя принял, испытал то, что ему раньше совершенно чуждо было! Иначе, что бы могло означать разделение барельефа на человеческого мальчика и девочку? А то, что здесь дети задействованы, так это, по-видимому, обычная астральная символика. Что ж, в этом случае все более-менее понятно: Дурга и я явились проводниками Тора для того, чтобы андрогин разделится на два пола, и скорее всего Дурга не понимала высшего смысла того, ради чего она меня к этой стене забросила. Что ж, может моя миссия на этом и закончена? Андрогин разделится и пора домой возвращаться?»

Однако, каким образом и куда именно возвращаться Андрей не знал, и обычных ощущений того, что выход заканчивается у него не возникало. К тому же, ведь не мог же Дуггур ограничиваться одной крепостной стеной, и Андрей почувствовал обычное любопытство, которое было присуще и его астральному состоянию.

«Ладно, – подумал он, – поскольку позади – Ничто, то путь только один – вперед!»

Андрей вошел в единственную дверь туалета, обозначенную буквой «М» и, как он и предполагал, вторая дверь оказалась с противоположной стороны и следовательно позволяла попасть внутрь этого самого Дуггура. На всякий случай (а вдруг чего пропустит) он оглядел внутреннее убранство помещения, но ничего специфически астрального там не обнаружил: стандартный городской сортир с полуиспорченным оборудованием, загаженными унитазами и исписанными стенами. Ну а тематика, как несложно было догадаться, полностью соответствовала стандартной тематике заборно-туалетного фольклора: только о половых органах вперемишку с предложением тех же половых органов (и не только их) в качестве услуг.

«Забавно, – подумал Андрей, – очень многообещающее начало и главное, исключительно оригинальное. Ну что ж, посмотрим, что в самом городе делается, хотя, судя по вступительной увертюре, несложно догадаться». – Подумав так, Андрей решительно открыл вторую дверь и оказался на территории города.

Город раскинулся, окутанный серебряным лунным светом, благо луна, висящая на чернильном небе, испещренном неведомыми письменами туманностей и незнакомых созвездий, была словно бы ближе и ярче, чем в земной перспективе. К тому же, помимо обычного серебряного света, ее аура словно бы стекала светящимися кружевами то ли какой-то чрезвычайно летучей жидкости, то ли густыми опалесцирующими испарениями. Несмотря на глубокую ночь, город был виден, как на ладони, а впрочем Андрей уже привык к тому, что в астрале, несмотря на отсутствие светил (за редким исключением) и чернильное небо, может быть любая видимость от полной непроглядной тьмы до контрастности предвечерья.

Итак, город был хорошо виден – то крайней мере та его часть, которую мог наблюдать Андрей выйдя из туалета-проходной (кстати, на выходной двери все же красовалась надпись, словно бы выполненная аэрозольной краской из баллончика, и слово это гласило «Дуггур»»,

из чего Андрей заключил, что угодил все же по адресу). То, что Андрей увидел, не произвело на него какого-то впечатления, и если говорить об архитектурном разнообразии, то даже Наров был в этом отношении интересней. Правда, своя изюминка в городе все же была, но изюминка эта просматривалась где-то вдаль, очевидно в центре, где угадывалась круглая площадь и темный дворец с закругленными формами и куполами, чем-то напомилавший легендарный Таджмахал. Что же касается других зданий, то несмотря на то, что все они различались в деталях, их можно было условно разделить на два типа, различающихся размером и классом. Это были городские общественные туалеты и кинотеатры, причем их размеры и, если можно так выразится, сметная стоимость (особенно это касалось кинотеатров) возрастали от периферии к центру: от провинциальных клубов до столичных киноконцертных комплексов у центральной площади.

Что касается улиц, то все они были радиальными, сходящимися у центральной площади, и если слева теснились городские сортиры, то справа красовались кинотеатры. И еще одну особенность заметил Андрей, которую то ли упустил тогда, за стеной, то ли она появилась только сейчас: в небе неподалеку от яркой луны, истекающей бальзамом, стал виден еще один диск, который Андрей мысленно определил, как черная дыра, поскольку он был чернее, чем и без того черное небо, и потому замечен с трудом. Подобно светлomu диску, он был окружен черными кружевами то ли летучей жидкости, то ли миазмов так, словно темные тяжелые испарения города поднимались вверх, засасывались черным диском, а затем сбрасывались вниз.

Тут Андрей отметил еще одну особенность: в городе присутствовали запахи, чего Андрей не мог припомнить по прежним посещениям астрала. Диапазон этих запахов был весьма широк и противоречив: с одной стороны шкалы – чувственные струи вечерних дамских духов, среди которых Андрей отметил запах розового масла, чарующих Маже Нуар, Диориссимо, Опиум и Турбуленс, а так же изысканных марочных коньяков, а на противоположном полюсе – совершенно отчетливый смрад человеческих фекалий, гниющих водорослей, рвотных масс и свиарника. К середине же шкалы можно было отнести запах самоопыляющейся каштановой роши, который он запомнил во время экскурсий по кавказским горам, а так же амбрэ небольшого затхлого пруда в период массового спаривания лягушек. И хоть никакого пруда поблизости видно не было, тем не менее источник запаха растительного зачатья был налицо: вдоль улиц стройными рядами миазмировали съедобные каштаны, которые, как Андрей помнил из экскурсии на Красную поляну, растут только во Франции и на Кавказе.

«Ну вот, – подумал Андрей, – значит не только во Франции и на Кавказе, но и в Дуггуре – городе астральной сексуальной революции. Ладно, с каштановым запахом – источник установлен, лягушачья сперма – возможно и не лягушачья вовсе, возможно так пахнет то, что осталось от городских ворот – но откуда все остальные запахи: если допустить, что запах дерьма исходит из плохо убираемых туалетов, то кто же там может испражняться? Насколько я знаю, в астрале сей физиологический акт не предусмотрен. А духи откуда? Словно где-то поблизости светский раут проходит. Что ж, отрадно отметить, что здесь и благодные запахи присутствуют, хотя, конечно, такой коктейль из фекалий и Шанели №5 весьма специфичен».

Тут только Андрей обнаружил, что город отнюдь не необитаем. Возможно он раньше этого не замечал, поскольку стоял полумрак и его астральное зрение только приспособлялось, а возможно сработал механизм, который Андрей, памятуя Кастанеду, нередко использовал в астрале: ели долго вглядываться в сильно затемненный участок ландшафта, постоянно то отводя взгляд, то вновь его фиксируя, ландшафт начинает высветляться и обрастать деталями.

Возможно имело значение и расстояние, поскольку до ближайших домов (а какое-то движение происходило именно там) было не меньше 300 метров (в земном эквиваленте), а между Андреем и собственно городом пролегла довольно широкая полоса пустыря, детали которого вначале Андрей не мог различить, поскольку этот пустырь был словно бы в густой тени.

Теперь же, когда стали проступать детали как дальней так и ближней перспективы, Андрей понял, что это не просто пустырь, а словно бы разглаженная бульдозером городская свалка. Правда кое-где торчали небольшие холмики какого-то мусора, но они были невысокими и не перекрывали перспективу. В отдалении около зданий явно сновали какие-то чело-векоподобные существа, а где-то дальше, в черте сплошных застроек, казалось бы даже мелькали автомобили.

«Интересно, – подумал Андрей, – я в этот Дуггур в какие времена попал? Вроде бы во времена Рама, он ведь совсем недавно Богу душу отдал перед тем моментом когда его Дурга в Дуггур затянула (вернее будет сказать „меня“, ведь он – это я – совсем с этими „Я“ запутался). Но если здесь машины шастают, то это должны быть времена Андрея Данилова, двадцатый век! Впрочем, непосредственно перед Дуггуром я летал в какое-то немыслимое прошлое – то ли на десятки тысяч лет назад, то ли на сотни – еще до сотворения нашей расы. Так что сейчас возможно я нахожусь во временах Андрея Данилова, только в какой-то специфической астральной сакуалле. А впрочем, возможно в каких-то зонах астрала машины и в средневековые ходили, они ведь к реальным автомобилям с двигателем внутреннего сгорания никакого отношения не имеют. Да и вообще, возможно это параллельный поток времени, который совершенно по-своему протекает, Аня же мне совсем недавно все эти пространственно-временные парадоксы объясняла. Поэтому, к какому времени принадлежит та или иная астральная зона – вообще определить невозможно. Вот, только что я подумал: „недавно объясняла Аня“ – кажется это было совсем недавно, а за это время мое сознание скачки то ли в десятки то ли в сотни тысяч лет совершило... если не в миллионы».

Андрей двинулся к ближайшим домам, напрямик через пустырь, который оказался городской свалкой, загадочно поблескивающей в серебристом лунном свете. Тут ему сразу стал ясен источник мерзкого запаха – свалка сплошь была покрыта всевозможными нечистотами и отходами человеческого быта, среди которых, помимо немыслимого количества использованных презервативов, всевозможных размеров, оттенков, форм и достоинств, было немалое количество аккуратных (и не очень) кучек свежего (и не очень) дерьма. Впрочем содержание помойки мало отличалось от содержания любой земной: те же тряпки, бумага, ржавая посуда, остовы старой ламповой теле и радиоаппаратуры, что еще раз склонило Андрея к мысли, что зона эта все же должна принадлежать двадцатому веку. Андрей поморщился, ступая на эту, не вызывающую эстетического удовольствия поверхность, однако, как и везде в астрале, вес здесь не ощущался, и вскоре он уже не боялся куда-нибудь вступить или провалиться, или напороться на замаскированный в мусоре ржавый гвоздь, поскольку скользил, едва касаясь поверхности. Убедившись, что его опасения безосновательны, Андрей быстро миновал зону городской свалки и приблизился к ближайшим зданиям.

«Свалку-то могли бы и подальше от домов расположить, – подумал Андрей, – воняет ведь, как ни заливай духами, и вообще антисанитария налицо! Хотя, конечно, я как всегда слишком прямо переносу особенности Энрофа на особенности астрала, поэтому ни навозных мух, ни микробов здесь быть не может, да и вообще, откуда я знаю, может здешним жителям запах помойки все равно что нам запах ландышей. Как обычно обманывает слишком большое сходство здешних мест и наших».

Тут он подошел к скособоченному мерзкому туалету с загаженным и скользким от какой-то слизи порогом, который весьма напоминал архитектурные шедевры туалетостроения, где-нибудь поблизости с автобусной междугородной остановкой захолустного городка средней полосы России – какой-нибудь Устюжны, Юхнова, Вельсгонска или Вышневолочка. Нужник этот был гораздо омерзительней того первого, через который он прошел в город как с точки зрения опрятности, так и с точки зрения архитектуры, собственно, это была заколоченная гнилыми досками и фанерой кабинка-отхожее место, очевидно с выгребной ямой вместо унитаза. Да и подписи были еще более убогие, там отсутствовало какое-либо разнообразие и фанта-

зия, по сравнению с первым. Правда на общем фоне почти что Пушкинские строки: «Хорошо в деревне летом – пристаёт говно к штиблетам» свидетельствовали о том, что душе писавшего всю эту убогость, все же изредка были не чужды высокие порывы и своеобразное чувство умиления перед родными просторами.

Впрочем Андрей тут же позабыл о своих ассоциациях, когда перекошенная дверца туалета закрипела и оттуда появился первый обитатель загадочного астрального города. Андрею вначале показалось, что это обычная человекоподобная астральная сущность типа лярвы или умершего с унифицированными и стертыми чертами, но как только человек вышел из тени туалета и оказался освещенным лунным светом, выяснились особенности его строения. Оказалось, что при вполне нормальном заурядном теле, едва прикрытом ветхими одеждами, голова этого занятого существа представляет собой верхнюю треть эрегированного полового члена – без признаков глаз, носа, рта и ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.